

ПАВЕЛ КРУСАНОВ

ИГРЫ НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ

18+

Образец пристальной прозы, сделанной так, как делаются уникальные вещи.
Вознаграждение стоит читательских усилий — мы обретаем новое
понимание смысла истории.

Александр Секацкий

Павел Васильевич Крусанов
Игры на свежем воздухе
Серия «Азбука-
бестселлер. Русская проза»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69483142

*Павел Крусанов. Игры на свежем воздухе (роман-четки): Азбука,
Азбука-Аттикус; СПб.; 2023
ISBN 978-5-389-23860-2*

Аннотация

Новая книга Павла Крусанова, автора «Укуса ангела», «Американской дырки», «Мёртвого языка» и других не менее неожиданных и обсуждаемых сочинений, на этот раз об охоте. Да-да, об охоте в её классическом, тургеневском понимании. Но не был бы Крусанов Крусановым, если бы ограничился банальным изложением охотничьих историй о походах на водоплавающую и боровую дичь. Да, это в новой книге есть, причём рассказано об этом настолько сочно, ярко и со знанием дела, что ты будто бы сам, как в компьютерной имитации, влезаеть в болотные сапоги героя и чавкаешь по болотным хлябям в ожидании счастливого выстрела. Книга на самом деле шире, глубже и удивительней, чем просто про стрельбу из ружья.

И география этой книги – не только Псковщина в окрестностях Новоржева. Здесь есть и перуанская сельва с её тайнами и ночными страхами. Есть и много других дорог, по которым ведёт нас автор, погружая в сложный, подчас непредсказуемый мир внутреннего «я» человека.

И конечно, в книге есть магия, потому что, как сказал автор в одном из интервью: «Литература – не просто игра в слова и смыслы, она наследница вербальной магии, магии заклятия. Только в случае литературы чудо, которое она наговаривает, – особого свойства. После прочтения талантливой книги преобразование происходит не снаружи, а внутри тебя. В результате хотя бы и на время, но ты делаешься другим, и через тебя чуточку преобразуется окружающая реальность».

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Недолгая красота осени	7
2. Катеньки, лебеди и Везувий	44
3. Здравствуй, Саня	86
4. Собака кусает дождь	121
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Павел Крусанов

Игры на свежем воздухе (роман-четки)

© П. В. Крусанов, 2023

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Образец пристальной прозы, сделанной так, как делаются уникальные вещи. Вознаграждение стоит читательских усилий – мы обретаем новое понимание смысла истории.

Александр Секацкий

Ядовитый писатель Набоков часто издевался над теми сочинителями, что не знают ни названий деревьев и трав, ни имен животных, так вот это абсолютно не про Крусанова: автор предельно конкретен и точен. Но плоть конкретной и подробной действительности то и дело граничит в книге с нереальным, невероятным, невозможным. Природа – по-прежнему неразгаданная человеком властная, манящая тайна. Ребус, шифр,

криптограмма, сфинкс. И настоящая тема книги – это роман мужчины с природой, подлинный роман, исполненный страстных желаний и жутких страхов, обретений и потерь.

Татьяна Москвина

Мифотворец, строитель незримой империи духа, писатель, которому «нравится всякий раз писать так, как будто до этого момента ничего еще написано не было», автор романов, постоянно попадающих в шорт-листы российских литературных премий и с тем же неумолимым постоянством выпадающих из них по причине резкой непохожести этих текстов на что-либо привычное глазу, уму и вкусу в общем премиальном потоке, – это и есть Крусанов, воин блеска русской литературы, незаменимая ее часть.

Александр Етоев

Крусанов – редкий тип писателя-универсала, он умеет, кажется, все. Новая книга – это про охоту. Реально, про охоту, как где-то в Псковской области городские охотники вместе с местным жителем ходят на утку. Я вот совершенно не охотник, но советую прочесть и читать и внимательно, потому что, как там все эти охотничьи дела описаны, закачаешься!.. Я не понимаю, как это сделано – вроде и сюжета какого-то сквозного нет, и с чего бы мне читать об охоте, но читал с полным упоением.

Владислав Толстов

1. Недолгая красота осени

– Коля, а кто это? – Пал Палыч придирчиво рассматривал юркую таксу с умным вопрошающим взглядом и лоснящейся на солнце шёрсткой цвета молочного шоколада. – Давно у тебя?

– Так мы когда с тобой последний раз на норах были? – Усы под носом Николая топорщились щёткой. – А этот у меня уже четвёртый год.

– Дельный? – В голосе Пал Палыча брезжило сомнение.

– По-всякому, – последовал сдержанный ответ.

Хозяин таксы – коренастый, плотный, с изборождённым морщинами лицом мужичок лет шестидесяти в вязаной чёрной шапочке-петушке, из-под которой сзади поверх овчинного воротника куртки свисала седовато-русовая плеть собранных в хвост волос, – в одной руке держал мешок с двумя лопатами, опознающимся по торчащим черенкам, в другой – разобранное ружьё в коротком чехле и патронташ.

– Это Пётр Ляксеич, – представил спутника Пал Палыч. – На норах не был. Интыресуется.

Само собой, Пал Палыч заранее предупредил приятеля о петербургском госте, давно желавшем посмотреть, как работают умельцы с собакой на барсучьих и лисьих норах, поэтому тот не удивился незнакомцу и вопросов не задавал. Пётр Алексеевич пожал протянутую ему крепкую шершавую ла-

донь и открыл багажник. Мешок, патронташ и чехол легли на дно. Пал Палыч сел впереди, Николай, подхватив собаку под брюхо, посадил её в заднюю дверь и следом забрался сам.

– К Соболицам? – уточнил Пал Палыч. – На заворы?¹

– Туда, – кивнул Николай.

Октябрь уже перевалил венец, но лес ещё не оголился донага – жёлтый, багряный и зелёно-бурый лист до сих пор держался на ветках берёз, ив и осин, хотя изрядно поредел, сбитый осенними ветрами. Несколько хороших ливней могли бы скоро довершить дело, но осень стояла сухая, ясная, лишь изредка небо кропило землю ситным дождиком. Мир оставался по-прежнему цветным, прохладно увядающим, будто забытая зелень на полке холодильника, и, как озноб на коже, слегка зернистым.

Вчера, когда при разговоре с Пал Палычем о грядущей поездке Пётр Алексеевич предложил взять с собой водку, чтобы вместе отметить охоту или просто в знак признательности одарить Николая доброй выпивкой, Пал Палыч сказал: «Ня надо», – пояснив, что Николай, увы, не воздержан. «На неделю, на две улетает, – вздохнул Пал Палыч. – Потом узелок завязывает. Две недели пройдёт – и опять. Да ещё говорит: мол, Паша, ты со мной ня садись, я после третьей рюмки в драку лезу. Вот такая петрушка. Я с им на норы уже лет восемь ня хожу. Он – в бригаде, я – ня в бригаде. Пушкина

¹ *Завор* – обрыв, крутой склон, холм с крутыми склонами (*пск.*).

ничего тяперь ня стоит. Понимаете? Вот и выходит так как-то... Он ня звонит, и я ня звоню. А в целом – дружим: если встретимся – на похоронах, на крестинах – поговорим. Вот вы приехали, я сразу к нему – срядились».

Между тем Николай Петру Алексеевичу понравился: спокойный, немногословный, без самодовольных ухваток, но и не робкий, что видно по взгляду, и самооценка без ущемлений – не пытается произвести впечатление на незнакомого человека. Понравился и его карий пёс, которого звали коротко – Чек, будто сломали сухую ветку или гранёный карандаш. Пока в дороге Пал Палыч рассказывал Петру Алексеевичу историю своего романа с пчёлами, ни Николай, ни Чек, оба полные достоинства, не проронили с заднего сиденья ни звука – впрочем, возможно, из-за шума мотора и колёс с грубым протектором им было просто не разобрать слов.

– Что касается пчёл, я с ими всю жизнь – наудачу, – делился извивами своей судьбы Пал Палыч. – С восьмидесятого года пчалáми занимаюсь и всё ждал капиталистическое время, чтобы мёд продавать. А потом ждал, когда вступим в ВТО, чтобы наш медок пошёл за бугор. В девяностые немцы приезжали к Веньке Качалову – у него сестра родная в Германии... Это наши немцы, с Поволжья, или откуда там – врать ня буду. Она за него, за немца этого, замуж вышла и туда – в Германию. А тут приехали, мёду попробовали, и он говорит, что такого мёда в Германии ня едал – вкусный. – Лицо у Пал Палыча сделалось вдохновенно-восторженное, как

перед радостным свиданием. – И вот он два-три раза приезжал, и всё бярёт по литру, потому что больше через границу провозить няльзя. То есть мёд вообще няльзя провозить – отбирают, но он говорит: «Я на таможе взятку даю, я такого мёда хочу – у нас в Германии такого нет».

– Откуда в Германии мёд... – подыграл Пётр Алексеевич. – У них небось пчёлам не разжужжаться, вся жизнь по науке: без пыльцы, без нектара – на сиропе.

– Вот! – Пал Палыч вознёс вверх указующий перст. – А я-то мотаю на ус и жду, когда в ВТО войдём и за границу торговать можно будет. Думал, тогда сбыт пойдёт – только успевай качать. Вошли, а спросу там на наш мёд нету – никто ня подсуетился, чтоб приезжали заготовители и скупали по пасекам. Поэтому нет развития. – Пал Палыч потускнел. – Я к тому говорю, что я в пчеловодстве, в своём хозяйстве, ня развиваюсь, а иду под дурачка к богатому работать по пчалám. Там стабильная мне зарплата, и я работаю на хозяина – как он хочет, так и работаю. Но конечно, докуда возможно... – Пал Палыч провёл ребром ладони по колену черту. – Богатые у нас были Салкин в Вяхно и Кузёмов в Посадниково. Я у обоих на пасеках работал. Салкин, правда, только за лето платил, но я всё равно был доволен. А сейчас наступает время... То есть я знал, что Кузёмов – игрался. Салкин тоже поиграл и конец – сельское хозяйство завязал. Кузёмов тоже с этого года кончает с пчеловодством – мне, говорит, это ня надо. Стадо молочное оставляет, а с пчалами

– всё. Мне было выгодно по пчаловодству на них работать, а теперь они отказываются, и надо определяться: снова пятьдесят домиков иметь и без денег быть, но с мёдом, либо надо заняться всерьёз.

– Отчего не заняться, раз дело вам знакомое да ещё по сердцу? – Пётр Алексеевич смотрел на дорогу и удивлялся, как много сорок и соек слетает с обочины трассы, будто у них тут престольный праздник с ярмаркой.

На лугах вдоль дороги сепия пожухлых трав мешалась с влажной зеленью. В садах на полуголых яблонях, словно новогонние ёлочные шары, висели цветные яблоки.

– В этом году я сделал пятьдесят домиков и накачал с пятидесяти домиков, – со значением произнёс Пал Палыч. – И продал мёда на двести тысяч.

– Ого! – присвистнул Пётр Алексеевич и невольно подумал: «А роёв-то на столько ульев где взял? Небось подловил у Кузёмова да у Салкина».

– А ещё раздал... На двести тысяч – это ня точно, потому что я брал и тратил. Это примерно.

– Записывали бы, – подсказал Пётр Алексеевич.

– Ещё чего! – чрезмерно, не равновесно поводу возмутился Пал Палыч. – У меня нет привычки копить в чулок и счёт вести. Деньги – от Сатаны. Пришли – я сразу их потратил. А душа – та от Бога. Почему богатые страдают?

Пётр Алексеевич изобразил на лице живой интерес.

– Потому что у них сатанизма больше, чем души. – В гла-

зах Пал Палыча вспыхнули угли. – Сатанизм душу съедает. Сатана ня только в деньгах, он и в других помыслах дан, и нам нужно себя так вести и так свою жизнь регулировать, чтобы Сатана и со стороны денег душу ня подьел, и со стороны... интимной тоже. Потому что до того можешь дойти, что в педофилы подашься. Или ещё куда. И ты должен себя во всё так вести – всё это регулировать. Даже в охотничьем хозяйстве. Понимаете? Зверь дан, ты возьми, съешь, а ня то что набил и начал торговать, магазин открыл... Это образно. Я к тому, что везде сатанизм тебя преследует, а ты должен его того – маленько побоку.

– Да у вас проповедь готовая, – оценил речь Пётр Алексеевич.

– Я это про пятьдесят домиков. – В глазах Пал Палыча уже блестили не угли – хитреца. – Также меру ищущу: сколько могу продать, столько продам, а остальное раздам. И мне на душе легче, и Нина ня пилит, что всё куботейнерами с мёдом заставлено. Нам надо прожить так, чтобы и к Сатаны ня попасть, и рядом с Богом... Ня надо к Нему лезть, а – рядышком, с бочкú.

– Теперь, когда придёт пора расплачиваться с кем-то, кому должен, – улыбнулся Пётр Алексеевич, – буду напутствовать: вот деньги, берите, ад надеется на вас.

Не заметили, как миновали Воронкову Ниву, а потом и Соболицы. Впереди от шоссе отворачивала грунтовка.

– Здесь направо, – сказал с заднего сиденья Николай.

Вчера Пётр Алексеевич поинтересовался у Пал Палыча, почему Николай продолжает заниматься норной охотой, если пушнина упала в цене и больше не приносит охотнику прибыток. «Сало, – пояснил Пал Палыч. – Барсучий жир вытапливают и продают – средства от туберкулёза лучше нет. И для профилактики. Поллитровая банка три тыщи стоит. А с одного барсука в среднем три литра можно вытопить. Вот и считайте – Коля в прошлом году пять барсуков взял. Только сало в банке должно быть белое, – предупредил Пал Палыч, – как яйцо, как снег. Тогда оно самое хорошее. А если жёлтое или с жалтизной, значит пярержжёно, пяретомлёно в печи. Такое на одной доске по качеству – к свиному внутреннему».

Машину оставили на обочине. Сошли на луг с высокой пожухлой травой и ещё вспыхивающей в ней тут и там поздней зеленью. Сапоги шуршали о сухие стебли и чавкали в низинках, но влажная земля была не топкой. За лугом щетинились чёрные лозовые кусты, сквозь которые пришлось продираться, петляя и отводя от лица ветки. Затем кустарник перешёл в чернолесье, и вскоре глазам открылся большой бугор, одиноко возвышавшийся посреди плоского лесного пространства. Холм был метров семь-восемь в высоту и метров двадцать в диаметре, обликом походя на могильный курган варяжского ярла – не из самых родовитых. За склоны холма цеплялись чахлые деревца, а вершину венчал кря-

жистый вяз. Пал Палыч подтвердил: бугор рукотворный, памятник эпохи советской мелиорации – сюда свозили землю, когда рыли канавы, осушая окрестные поля, ныне затянутые лесом.

Накануне Пал Палыч рассказывал Петру Алексеевичу, что барсучья нора, как правило, закручена восьмёркой – иной раз по горизонтали, а бывает, что по вертикали, – и имеет несколько тупиковых ответвлений и выходов. Если барсук только взялся рыть себе обиталище, то поначалу может быть и один выход, но обычно – два и больше. Да и зверь этот не отшельник – случается до пяти барсуков живут вместе. А то и не только барсуков... «Копает норы в основном он, – рассказывал Пал Палыч, – барсук. А лиса и енот занимают. Ну, то есть прокопают тоже метр-два, но это чисто пустяки. А так – только барсук. И эти вселяются». – «Лиса прогоняет барсука?» – удивился Пётр Алексеевич. «Зачем? Никто никого не прогоняет, все там живут: и лиса, и барсук, и енот. Только барсук в зиму идёт в самые нижние норы, на самую нижнюю глубину, енот – на самый верх, потому что у него мех и пух, а лиса в середине, между ими двоими. Но когда собака начинает гонять, то енот может попасть и вниз, и лиса крутится – там уже нязаберица у них, когда собака гоняет». – «Все вместе, – восхитился Пётр Алексеевич, – как в сказочном теремке...» – «Да, – кивал Пал Палыч, – все вместе: и барсук, и енот, и лиса. И все полагивают. Идёшь, и ня знаешь, кого возьмёшь. Енота выкопал, опять собаку за-

пустил в нору, она снова лает. Выкопал – барсук. Или лиса». Пётр Алексеевич светился от восторга.

У здешнего хозяина в норе было два выхода. Один располагался внизу склона, другой – метрах в четырёх от первого, на той же стороне холма, но чуть правее и выше. Николай пустил Чека в нижний лаз, тот юркнул в дыру – только его и видели; сам охотник тем временем расчехлил и собрал ружьё, заложив в стволы патроны. Вскоре из норы раздался лай, то удаляющийся, то как будто начинающий звучать отчётливей и звонче. Петру Алексеевичу было велено оставаться у входа и слушать – даёт ли Чек голос, а Николай с Пал Палычем, припадая ухом к земле, принялись обследовать холм в попытке определить, где именно пёс облаивает загнанного в тупик барсука. Пал Палыч усердствовал, покраснелся, переползал с места на место; Николай выглядел спокойнее и деловитее – возможно, просто хотел показать, что ради любопытства городского гостя не расположен рвать жилы, – но и его вязаную шапку-петушок, а заодно и седоватый волосяной хвост, вскоре облепили собранные с земли палые листья.

Чек в глубине норы лаял приглушённо и размеренно, уже не сходя с места.

– Кажись, тут, – сказал Пал Палыч, слушая землю, как врач слушает грудную клетку пациента. – Здесь звончэй всего.

Николай тоже приложил ухо к тому месту, где возился

Пал Палыч.

– Похоже, – подтвердил коротко.

Пал Палыч встал на ноги, достал из мешка лопату и принялся энергично копать. Николай сел рядом на землю и положил ружьё на колени.

– Бывает, и по два метра рыть приходится, и по три, – поделился Пал Палыч с Петром Алексеевичем опытом. – Хорошо, если зямля или песок, а ну как глина – тут заморишься. – Лопата скребнула камень, и Пал Палыч выворотил из земли средних размеров булыжник. – С ней как? Если нора под глиной, под пластом этим идёт, то и собаку ня всякий раз услышишь – глина ход голосу ня даёт. Тогда надо ждать, когда собака выйдет – у ней от лая обезвоживание, вот она и выходит, чтобы снегу хватануть, и опять в нору. Мы раньше барсука с лисой брали в ноябре и позже, когда пяреленяют, – пояснил Пал Палыч. – И тут, как выйдет, надо её, собаку, на поводок, пока ня полезла туда снова, и – домой, а то просидишь у норы ещё два часа. И так весь день – впустую.

Прилетел пёстрый дятел, сел неподалёку на осину, покрутил, сверкая красным затылком, головой – что за люди, чем промышляют? Улетел. Пётр Алексеевич по-прежнему стоял у нижнего лаза, не понимая – взяться ли ему за вторую лопату и помочь Пал Палычу, или его место здесь, на посту слухача. Решил не проявлять инициативу и не уточнять, – если что, старшие товарищи направят.

– А на Лобно как за барсукам ходили помнишь? – обра-

тился Пал Палыч к Николаю. – Там и по чатыре метра копали ямы, там норы глубоко и зямля сыпучая – широко копать приходилось. Ни одного барсука так на Лобно и ня взяли. – Пал Палыч ненадолго замолчал и поправился: – Это что меня касается, я лично ня взял. А другие – ня знаю...

Не успел Пал Палыч заглубиться и на пару штыков лопаты, как из норы показался Чек. Вышел наружу, сверкая шоколадной шёрсткой, будто и не ползал в земляной тьме, окинул взглядом картину внешних обстоятельств, преданно посмотрел в глаза хозяину, задрал лапу, пустил жёлтую струю на ствол чахлой ольхи и не спеша, осознавая свою значимость, вновь отправился в лаз. Вскоре из дыры раздался далёкий лай, на этот раз глуше, как будто в другом регистре. Пал Палыч с Николаем вновь принялись обследовать холм, припадая ухом к земле то тут, то там – на прежнем месте, где начали копать, Чека было уже не слышно.

– Перяшёл барсук, пока пёс отливал, – пояснил Пал Палыч, пластаясь по земле, точно палтус по дну зеленоватой бездны.

Подслушали собаку в новом месте, чуть ниже вяза, и тут уже взялись за дело вдвоём: Пал Палыч орудовал лопатой, Николай извлечённым из мешка топором подрубал корни. Однако вновь не преуспели – Чек в очередной раз, не дав докончить дело землекопам, выскользнул из норы и в поисках хозяина – на месте ли? – обследовал пространство. Теперь он даже не стал задирать лапу, чтобы оправдать нерадивость

нуждой.

– Ня хваткий. – В голосе Пал Палыча сквозило разочарование. – Ня держит зверя, нет азарту.

Николай слегка наподдал ладонью псу по заду, снова направляя его в нору, на этот раз через верхний выход, – и всё сначала. Барсук, должно быть, в свой черёд перешёл на новое место, и теперь гавканье из дыры слышалось едва-едва, так что приходилось склоняться к самому отверстию, – при этом далёкий лай то и дело перемежался периодами неопределённой тишины. Петру Алексеевичу опять выпало стоять у лаза – того, откуда яснее можно было разобрать голос Чека, – и давать знать, когда пёс работает, а когда молчит. Пал Палыч и Николай прислушивались к земле, ползая по холму врастопырку, а Пётр Алексеевич переходил от одного выхода к другому и преклонялся долу, стараясь понять, где лай пса звучит отчётливей.

Он как раз стоял у затихшего нижнего и собирался подняться ко второму, когда из дыры вдруг выскочил здоровенный зверь, хватанул, как обжёг, зубами Петра Алексеевича за ногу чуть выше резинового голенища и грузно, но стремительно бросился в мелколесье, за которым густели лозовые кусты. Матёрый барсук размером не уступал барану, и его встопорщенный мех был сед, точно у волка. Николай с опозданием подхватил с земли ружьё и саданул из нижнего ствола по мелькающему среди деревьев с неожиданной прытью увальню. Зверь на миг замер, словно получил пинок, обер-

нулся, сверкнув глазом, и рванул дальше, в заросли. Николай ещё раз выстрелил вслед, но барсук уже не останавливался.

– Кажись, задел... – Николай перезарядил ружьё и поспешил вниз, за седым патриархом.

Однако, пока он вставлял в стволы патроны, должно быть, упустил добычу из виду, и теперь, крутя головой, шёл в кусты наудачу, то и дело смотря под ноги в попытке обнаружить в траве след или брызги крови, указывающие путь.

– Наверняка зацепил – он промаха ня даёт. – Пал Палыч следил за шурующим в зарослях Николаем. – Тут лайка нужна. Та след возьмёт, а этот, – он кивнул на выскользнувшего из норы Чека, – ня гожд на это дело. Он и в норе чудит. Должно, терялся когда-то, вот тперь вылазит и проверяет – тут ли хозяин, ня бросил ли. С им толку ня будет. Я с фоксами на норы ходил – эти зверя хорошо держат.

Пётр Алексеевич неприметно, не желая привлечь внимание Пал Палыча, осмотрел ногу в том месте, где его хватил барсук. Штанина была порвана, и прокушенная под коленом икра кровоточила, но не сильно. Он осторожно потрогал рану – ничего, терпимо. В машине есть аптечка – как доберётся, прижжёт йодом.

Николай вернулся ни с чем.

– Каким номером бил? – Пал Палыч отряхивал куртку и штаны от листьев.

– Картечь. – Николай вынул из патронташа коричневый

патрон и сощурился на маркировку. – Пять и шесть.

Пал Палыч покачал головой.

– Тут восемь с половиной надо. В нём одного сала литров на пять. Я таких здоровых ня видал.

– Тоже первый раз такого вижу. – Николай поправил на голове шапку-петушок, сбитую в кустах ветками набекрень. – Зрелый – пóжил.

Снова запустили Чека в лаз. Тот лаял, гонял кого-то, кто остался в норе, но всякий раз усердия его хватало ненадолго: то и дело пёс вылезал наружу отлить, а барсук тем временем переходил на другое место. Копнули тут и там, потом плюнули – ловить с такой нехваткой собакой здесь было нечего.

– Что-то ня работает сегодня. – Николай слегка шлёпнул нерадивую таксу по уху.

Растянувшись в цепь, пошли сквозь заросли, в которых скрылся сбежавший матёрый – вдруг всё же ранен и залёг в кустах. Благо дорога, где ждала машина, была как раз в той стороне. Однако никаких следов в пёстрой осенней траве найти не удалось, и нигде не видно было капель крови. Зато в зарослях лозы трепетал на ветру шелковистыми нежно-серебряными крылышками лунник, и слух невольно спешил расслышать призрачный звон – так в немом кино Али-Баба над ларцом с сокровищами черпает горстью монеты, и они, не тревожа тишины, проскальзывают между пальцами... Но откуда звон?

Следы и кровь Пал Палыч обнаружил уже на дороге, прой-

дя метров на сто от машины в оба конца. Побуревшие на глинистой земле редкие брызги вели на другую сторону грунтовок и там снова терялись в зелёно-бурой траве и осеннем опаде. Обошли цепью берёзовую рощицу, но ничего не обнаружили. За рощей открывалось широкое поле, заросшее высокими травами.

– Там, – махнул рукой вдаль Николай, – ещё заворы есть. Туда пошёл. – Усы его недовольно топорщились – жаль было упущенной добычи: оставайся он с ружьём в руках, а не ёрзай ухом по земле, пять литров барсучьего жира были бы его.

– Без лайки ня найти. – Пал Палыч тоже выглядел огорчённым. – В норах отлежится – ты его ня шибко приложил.

Охота была окончена.

Не показывая вида, в душе Пётр Алексеевич радовался, что барсук счастливым образом избежал смерти. Пока шли обратно к машине, перед глазами его вновь и вновь вставала картинка: скачущий вперевалку, будто катит под брюхом шар, большой зверь с полосатой мордой, одетый в седую пышную шубу на подкладке из целительного жира...

Рану Пётр Алексеевич промыл и прижёт уже дома. Кровь остановилась, запёкшись коростой, а кожа вокруг прокуса – следы двух клыков были отчётливы, но не слишком глубоки – отдавала синевой. По всему – зверь цапнул впопыхах, походя, не во всю мочь. Если к ране не прикасаться, то она лишь слегка ныла, не доставляя особого беспокойства и не стесняя

движений. Тем не менее на всякий случай Пётр Алексеевич залепил её широкой промокашкой бактерицидного пластыря.

Жизнь в деревне проста, как рукопожатие могущественного, но безразличного к тебе существа – оттого и кажется, что иногда это рукопожатие приветливо, а иногда необоснованно сурово. А оно всего лишь равнодушно – не более. Пётр Алексеевич принёс из колодца воды в дом и к подвешенному на столбе уличному умывальнику, протопил печь, разогрел голубцы в консервной банке на ужин. Вышел во двор, а там уже темь. Дни осенью коротки – не успеешь оглянуться, как красота их растаяла.

Первый раз он проснулся посреди ночи от ощущения нового знания, будто во сне выучил урок, и теперь кругозор его удивительным образом расширился – сам собой, без участия личного опыта. Иванюта рассказывал, что именно так к нему приходят стихи. Чувство было новое и странное. Откуда-то Пётр Алексеевич знал, что в норе собаку следует хватать зубами за верхнюю челюсть – тогда ей можно прокусить нос, и она захлебнётся кровью, а в разрытую нору, если охотник после яму не засыпал, возвращаться не следует – замучает сквозняк.

Поворочавшись под ватным стёганым одеялом, заснул снова.

Второй раз проснулся в холодном поту. За окном стояла тихая лунная ночь, и в этой ночи Пётр Алексеевич был не

один. Прислушавшись к ощущениям и оглядев сумрак комнаты – в окно проникал ноющий, словно сквозь зубы сочащийся, свет от повисшей в небе полной луны, – он понял, что комната пуста, а двое – в его голове. Это было нехорошее чувство. Сознание Петра Алексеевича вмещало его самого и кого-то ещё, смутно распознаваемого как затаённая опасность. Вернее, в нём помещалось два сознания, и им было внутри одного тела тесно. Отсюда и угроза – вдруг кукушонок начнёт вертеться в гнезде?

– Ты кто? – чувствуя себя невероятно глупо, но не в силах совладать с присутствием *чужого* в себе, беззвучно спросил Пётр Алексеевич.

– Я – Димон, – беззвучно, прямо в мозг прозвучал бодрый ответ.

– Какой Димон? Откуда?

– Долгая история. – Внутренний голос был лукаво, не по-доброму весел. – Метемпсихоз, мать твою, колесо сансары. Рассказать – не поверишь. В девяносто восьмом бахнули сейф с тридцатью миллионами. Штопор с Фрицем – благородные бандиты, а я – фармазонщик. Какого беса вписался? Деньги нужны были – вилы. Вошли в масочках, никого не убили даже, аккуратно всех скотчем повязали. Сейф вынесли и тихонько поехали партизанской тропой. И надо же – совершенно случайно влетели на облаву. Менты за нами погнались, а у Штопора с Фрицем два калаша с собой и ящик гранат, чтоб подорвать сейф где-нибудь на лесной полянке.

И они давай стрелять по ментам, а те – в ответ. Дальше – хрень какая-то. Очнулся в барсуке, назад ходу нет – ни тебе с кем побазарить толком, ни чем закинуться. Как джинн в лампе. Только землю рой да хомячь, что найдёшь. Скучно. А сейчас к тебе зашёл – другой компот!

– Ты что – бандит? – сообразил Пётр Алексеевич, мгновением позже осознав, что надо было бы спросить: «Что значит „зашёл“?»

– Сложный вопрос. – Похоже, Димон и впрямь истосковался по живому разговору, поскольку явно был намерен злоупотреблять вниманием собеседника. – Бандитизм – это, дружок, жизненная философия. Бандит – это тот, кто при возможности решить вопрос битой будет решать его битой, а не каким-либо другим способом. Это, конечно, самый общий случай – вариантов в наше время было много. Но без нужды бандит живых людей не гондошит. И вообще, если ты по масти не мокрушник и заедешь на мокруху, то к тебе будут вопросы. Например, если ты валишь кого-то на стрелке, то к мокрухе это не имеет отношения и косяком не считается. А если ты мочканул своего дольщика, такого же реально-го пацана, как и ты, вместо того чтобы отдать ему половину денег, то это уже нехороший поступок. Это уже запахло, и на зоне за это могут вздёрнуть.

– А ты? – прервал Димоново многословие Пётр Алексеевич. – Ты из которых?

– По порядку. – В напористой речи Димона, звучащей в

голове Петра Алексеевича, послышалась стальная нотка. – Я силовые решения не люблю – предпочитаю уголовщину другого толка. Меня привлекает комбинация. Мочить всех подряд – это не моё. Хочется замутить какую-то красивую многоходовку и с её помощью завладеть большими деньгами. Но чтобы заработать деньги, нужно обязательно чем-то рисковать – иначе деньги не придут.

– А по-другому – никак?

– Легальные методы наживы? – оживился Димон. – Да, они есть. Но в этом случае к тебе всегда могут заявиться хмурые люди и получить с тебя свою долю. И заявляются... Ты не сбивай – мысль и так скачет. Знаешь, что такое фармазон?

– В общих чертах, – признался Пётр Алексеевич, которому в самом себе – он чувствовал – оставалось всё меньше места.

– Фармазон – это подделка. Назар делал мне паспорта, с которыми я путешествовал по миру, он – классный фармазонщик! Но если ты подделываешь бриллиант и заменяешь настоящий на свою стекляшку – это тоже фармазон. Фармазонщики – элита бандитского мира. Сидящая тихо, зашифрованная элита. Я – элита!

Кукушонок заёрзал в гнезде, и Пётр Алексеевич почти физически ощутил тесноту. Удушающую тесноту. Не кукушонок, нет – он имел дело с удавом, сжимающем на кролике свои чешуйчатые, медленно каменеющие кольца.

– И как тебя угораздило? – Пётр Алексеевич не утерпел,

хотя и понял уже, что Димону не нравится, когда его перебивают.

– Тут всё закономерно. – В голосе Димона зазвенела самодовольная уверенность. – Сначала художественная школа, потом «Муха»... Когда я учился в «Мухе», народное хозяйство потребовало от меня изготовления новых коробок для старых компьютеров и фальшивых документов к ним. Я стоял у истоков компьютеризации Урала! Это компьютерное старьё возили из Польши фурами, и я зарабатывал по пятьсот долларов в день! Тогда это были гигантские деньги. Тогда даже сто долларов было трудно просрать. Бак бензина стоил доллар, а хорошая проститутка – от силы десятку. Сотню стоила уже космическая женщина, дикторша центрального телевидения, и то никто ей столько не давал. В конце концов меня из «Мухи» попёрли. А как было не попереть? Ко мне всё время приезжали что-то перетереть хмурые бандосы, косящие под бизнесменов, и бизнесмены, косящие под бандосов, и все на иномарках, а тогда это очень котировалось. Сижу на истории КПСС, заходят несколько лысых в кожаных куртках и кричат: «Димон!» – а профессору говорят: «Братан, три минуты». Или ему же так корректно: «Брателло, не гундось. Димон, выйди на минутку...»

– Александра Семёновича знал? – Пётр Алексеевич почувствовал очередное сокращение обвивших его сознание колец. – С кафедры живописи?

– А то! Он нам такие натюрморты ставил: красное на крас-

ном, зелёное на зелёном, белое на белом. Чтобы оттенки пересекали. Умели раньше учить.

– Тесть мой.

– Да ну! Реальный мужик.

Речь Димона, поначалу пугавшая, теперь Петра Алексеевича усыпляла – ту его часть, которая ещё по-прежнему ему принадлежала.

– Потом были фальшивые накладные на ликёро-водочные заводы с великолепными печатями, которые я вырезал бритвой из линолеума. Это был очень полезный материал для бандита. Я говорю не просто о линолеуме – я говорю о советском линолеуме! Туда замешивали какое-то неизвестное говно – плитки были достаточно мягкие, чтобы их резать, и достаточно жёсткие, чтобы с них получались качественные оттиски. – Димон замолчал, должно быть отдавая дань памяти советскому линолеуму. – А потом Гознак выпустил стандартный бланк векселя. С его стороны это было очень гуманным и конструктивным решением. Оставалось только создать ООО, которое могло бы выдавать векселя. Ты создаёшь, заказываешь себе векселя, которые ничем не отличаются от юкосовских, только нужно на них ещё написать, что они юкосовские, а дальше они вполне могут появиться на рынке ценных бумаг. Но умный ЮКОС понимает, что кто-нибудь непременно будет это делать, и в конце концов похоронит ЮКОС вместе со всеми его месторождениями, поэтому в дополнение к векселю он использует пластиковые

карточки голландской компании AZS, на которых записана вся информация. Это гарантия того, что в карман к ЮКОСу никто не залезет – карточку вставляют в чип-ридер и убеждаются в надёжности бумаги. Опускаем детали, оставляем главное. Карточки эти у нас, естественно, не продаются. Но пустые карточки AZS за небольшие деньги продаются в Голландии, в городе Амстердам. Надо всего лишь приехать и сообщить фирме AZS, что ты хочешь своим сотрудникам раздать электронные кошельки, для чего намерен купить столько-то пустых карточек. Дальше ты покупаешь настоящий вексель с карточкой ЮКОС номиналом в пять тысяч долларов и делаешь десять таких же. В банках карточки особо не проверяют – слышат пик-пик и уже уверены, что они настоящие. – Димон хохотнул и тут же продолжил: – Всю информацию с карточек для меня считывал компьютерный гений из ЛИТМО. Там создали специальную группу гениев для бандформирований. До этого они последний хрен без соли доедали, а тут, в ЛИТМО, они за доллары пишат софтины для америкосов и в свободное время работают на нас. Задача компьютерного гения – прочитать и разъяснить все кодировки, а остальное мы в состоянии сделать сами. Говорю так подробно специально для старшеклассников, чтобы они поняли: квалифицированным бандитом можно стать, только если хорошо учишься в школе. Ребята, надо учиться!

Кольца удава в очередной раз сократились, выдавливая из кролика жизнь.

– Я своё отучился, – сквозь муть, окутывающую сознание, пискнул Пётр Алексеевич.

– Да? А какого хера меня у норы проворонил? – удивился Димон. – Итак, на руках у меня есть беленькие голландские карточки и эскиз юкосовской – теперь нужно вывести плёнки и перенести изображение на карточки. У меня – шелкографская машина. Делаю плёнки, сетки и за два с половиной косяря снимаю типографию.

При слове «типография» придушенный было Пётр Алексеевич вздрогнул.

– В итоге – безукоризненный результат, не докопаться! Я и автор проекта, и исполнитель. Готовые карточки отдаю двум мужикам с каменными мордами, которые тоже в деле и обналичивают векселя за пятьдесят процентов. Рискуют, конечно, но не очень – это за миллион номинала их просветят рентгеном и залезут им в жопу. А тут – звенит, и ладно. За пять оставшихся мне карточек выходит двадцать пять штук зелёных. – Димон снова хохотнул. – Но вернёмся в предысторию – прежде всего, конечно, надо переколотить документы. Ты же не пойдёшь воровать со своим паспортом и не заявишься в чужую бухгалтерию с какой-то подозрительной портянкой. А с хорошим документом – другое дело! Выписываешь платёжку и отправляешь человека на ликёро-водочный завод за готовой продукцией. Человек, который идёт с платёжкой, должен быть серьёзным профессионалом – ему предстоит сыграть так, как давно уже не иг-

рают в БДТ. То, что платёжка фуфловая, выяснится только через четырнадцать дней – в этом мудрость старой советской системы. Поэтому целых две недели и банк, и ликёро-водочный завод живут совершенно спокойно. А ты и так живёшь спокойно – водка давно ушла, есть время всецело погрузиться в создание курсового проекта в высшем художественно-промышленном училище имени барона Штиглица. Так выглядит простой способ приобретения первичного капитала. В нашем коллективе паспорта обычно переколачивал не я, а мой товарищ Назар. Он – мастер своего дела, как Рихтер. Такие не выглаживают паспорта утюгом, а сразу попадают в старую продавку. Меня с Назаром познакомил настоящий уркаган Ваня Охтинский, у которого уже тогда была засижена пятнашка, а потом он по ошибке получил ещё столько же...

Димон шпарил без остановок, на всех парах, как курьерский поезд, однако историю про Назара, спеца по липовым документам, Пётр Алексеевич уже не слышал. Чешуйчатые кольца сдавили его так, что чувства в их тисках затихли, и теперь Пётр Алексеевич в обморочном забытии качался на волнах потусторонней грёзы – размытой, лишённой определённых форм, приглушённо пульсирующей, точно вспышки далёкой зарницы. Качался и медленно таял. Качался и таял...

Утро выдалось хмурое, небо застилала серая пелена, но

до дождя дело никак не доходило. Пётр Алексеевич с рассеянной тревогой, которая иной раз накрывает с похмелья (между тем вчера он не пил), заваривал чай... Как это понимать? Сон? Но он никогда так отчётливо и в таких замысловатых подробностях не помнил своих снов. К тому же сон – в первую очередь картинка, а тут по большей части – звуковая дорожка и ощущение угасающего разума... Подкралась на мягких лапах биполярка с голосами? Чуть – он здоров, он нормален, он эталон нормальности, какой можно отыскать разве что в учебнике патопсихологии. И вот ещё: он не был знаком с удивительными свойствами советского линолеума и никогда в глаза не видел векселей ЮКОСа – он не мог извлечь это знание из самого себя. Димон... Сам стиль личности этого существа выпадал из сегодняшнего дня и окружающей Петра Алексеевича идиллии – этих пёстрых лесов, буро-зелёных полей, холодных небес, гармоничной простоты природной жизни и нравов здешних людей с их наивными хитростями и немудрёными хозяйственными заботами. Димон целиком был из другой вселенной, напряжённой в суетном мелькании, пустой и ненужной. Вот уж кого действительно, выражаясь языком Пал Палыча, *сатанизм* подьел...

Пётр Алексеевич отлепил от ноги пластырь и осмотрел место укуса. Рана глухо ныла, но не воспалилась и не кровоточила, по большому счёту давая о себе знать лишь при ощупывании или случайном прикосновении. Всё в порядке – через пару дней он о ней забудет. Но если всё-таки не сон, не

биполярка, то что? Барсук-оборотень? Цапнул, пустил слюну и заразил? Как Цепеш, господарь Валахии, который через укусы вербует в кровососы. Цапнул, и в нём, в Петре Алексеевиче, укушенном матёрым оборотнем, столь необыкновенно барсучья сущность расцвела... Могло такое быть? Тут, в этих псковских дебрях, возможно всё... Но превращение в бандита-барсука, хвала холодным небесам, остановилось на последнем рубеже, внедрённый укусом вирус не прижился – хоть с опозданием, а Пётр Алексеевич всё же прижёт рану йодом и пришлѣпнул заразу бактерицидным пластырем. А может, раненый барсук просто отлежался, и Димона, как вакуумным насосом, засосало обратно в прочухавшегося зверя?..

Выпив чашку чая, Пётр Алексеевич решил, что фантазировать на эту тему бессмысленно – всё равно жизнь сложнее любых соображений на её счёт. Был у него один клиент (через карманное издательство Иванюты дважды размещал в типографии Географического общества, где служил Пётр Алексеевич, заказ на печать книги собственного сочинения, в которой излагал идеи коренного переустройства человечества, – печать, разумеется, за средства автора), так тот вообще то и дело разговаривал с неодушевлёнными предметами – вешалкой, шляпой, степлером на столе, самим столом – и ставил им на вид, если те вели себя неподобающе, не проявляли к нему уважение или просто мнили о себе, как он полагал, больше положенного. И они, эти неодушевлённые пред-

меты, ему определённо отвечали. И тоже делали это прямо в мозг. Куда ни шло поговорить с козой, собакой, бабочкой, а тут... Ладно, проехали.

Сегодня они с Пал Палычем планировали поездку на Михалкинское озеро, чтобы встретить вечернюю зорьку в камышах – на прошлой неделе был большой пролёт гусей, авось какие-то стада остались на жировку, или с севера нагрянут новые. Однако впереди ещё полдня, которые нужно заполнить делами, теми самыми – хозяйственными и немудрёными.

Пётр Алексеевич заполнил. Приставил лестницу к фронто́ну над террасой и прибил на место сорванную непогодой ветровую доску, качавшуюся на одном гвозде. Потом с бензопилой пошёл на берег реки и срезал несколько разросшихся лозин – давно обещал тестю расчистить заросли, чтобы окна дома смотрели не на ивняк, а на весёлую воду. Стволы оттащил к сложенной тут же, на берегу, куче из той лозы, что спилил ещё в августе, – весной, как просохнет, надо сжечь. Затем обошёл вокруг бани, размышляя, где бы лучше выкопать второй колодец – от уже имевшегося тянуть шланг в баню было далеко, поэтому в мае Пётр Алексеевич ставил насос в реку. Поскольку в половодье вода в Льсте была высокая и мутная, а зимой в мороз река леденела, баня вынужденно получалась сезонной. Но если выкопать колодец рядом, то можно уложить шланг в траншею, чтобы не замерзал, и провести воду внутрь...

Перекусил неплотно, чтобы не отяжелеть. Перед отъездом Пётр Алексеевич затопил печь и, пока дрова, охваченные пляшущими языками, прогорали до красных углей, читал томик Николая Гумилёва «Записки кавалериста», невесть когда сосланный им из города в деревню. Третья глава началась духоподъёмно: «Южная Польша – одно из красивейших мест России».

Лодку, как обычно, одолжили у рыжего старовера Андрея. Тот пребывал в звонком настроении, поскольку накануне набил на озере гусей, о чём не преминул степенно похвастать. Пал Палыч вопреки обычаю был немногословен.

Несмотря на календарь, земля до сих пор так и не раскисла – машину подогнали на самый берег. Влезли в болотники, подпоясались патронташами, погрузили мешок с чучелами, рюкзак, ружья, вставили вёсла в ключины и столкнули лодку в воду.

– Что-то вы, Пал Палыч, не весёлый, – заметил Пётр Алексеевич. – Случилось что?

– Ня бярите в голову, – отпустив тут же прижавшееся к борту лодки весло, махнул рукой Пал Палыч. – Домашние заели. Один в телевизоре человеческий канал остался – и тот про животных. А эти придут и давай щёлкать...

– Что поделать – семья. Сами говорите: надо ладить.

– Надо, да. Только иной раз терпелка хрустит... Всякий день жана воспитывает, никак ня иссякнет. – Пал Палыч

мрачно усмехнулся. – Живёшь, стареешь, и нужды в тебе, им кажется, уже нет. А как померёшь – сразу всем тебя станет ня хватать.

У берега, возле стены камыша, блистало снежными мазками стадо лебедей – штук двадцать, не меньше. Только вышла лодка из загубины, сразу и увидели. Ближайший лебедь, закинув в замысловатом балетном па чёрную лапу на белую спину, беспечно качался на малой волне.

Заметив лодку, птицы чинно, без суеты поплыли от берега вдаль, на открытую воду. До сумерек ещё оставалось время, однако небеса и без того были однообразно серы, без просвета, напоминая какую-то нечисто звучащую ноту, которую, впрочем, было не слышно из-за вечернего озёрного гама. Вдали виднелись россыпи уток, тут и там проносились небольшие стайки нырков и каких-то посвистывающих береговых пичуг, с плеском и лёгким скрипом работали вёсла. Пройдя вдоль берега метров пятьсот, заметили в стороне на глади несколько камышовых островков; странное затемнение в редкой щетине одного из них привлекло внимание. Пал Палыч развернул лодку туда.

– Засидка, – глядя через плечо гребца, определил на подходе Пётр Алексеевич.

Действительно, это была ловко оборудованная рыжим Андреем засидка – два ряда кольев в середине жидкого камышового островка, крепко всаженные в ил и связанные между собой жердями, украшали прикрученные вплотную друг к

другу проволокой пучки сухого тростника. Получалось что-то вроде двух параллельных плетней, между которыми аккуратно помещалась лодка. Привстав или слегка раздвинув сухой тростник, можно было обозревать окрестности, а самим оставаться незамеченными для подлетающей птицы. Решили обустроиться здесь.

По обе стороны от островка – на чистой воде и среди распластанных листьев кувшинок – рассадили болванов, завели лодку между плетнями, после чего Пал Палыч достал из рюкзака два полотнища маскировочной сетки, и вместе с Петром Алексеевичем они завесили ими вход и выход из этого тростникового коридора.

Понемногу смеркалось. Гусей было не видно, но утиные перелёты никто не отменял. Некоторое время, трубя в манки, оглашали озёрный простор призывным утиным криком.

– Ня рассказывал вам, как мне медаль вручали на сто лет милиции? – Похоже, погрузившись в любимую стихию, Пал Палыч забыл свою обиду на домашних.

– Нет, не рассказывали, – негромко, в тон Пал Палычу откликнулся Пётр Алексеевич.

– Слушайте. Да манком работайте, ня забывайте.

Пётр Алексеевич усердно крикнул.

– Я уже давно с милиции ушёл на пенсию – там пенсия-то в сорок пять, как у военных. А тут медаль – юбилейная. – Пал Палыч тоже дунул в манок. – Позвонили, говорят: будем вручать. В Опочку ехать надо – там сразу чатырём районам

вручают: Опочецкому, Себяжскому, Новоржевскому и Пушкиногорскому, дали на каждый район по три-четыре медали. А костюма-то нет, чтоб ехать, – есть пиджак отдельно, штаны отдельно, но ня сочетаются, – так зять мне свой костюм дал, свадебный. Очень он мне нравился – няделю худел, еле влез в него. Добрый костюм, материал крепкий. Нина галстук выстирала и погладила. Чтобы постирать-то, развязала, а как завязать – никто ня знает. Узлы-то раньше большие были, тяперь ня так... Хорошо доча в телефон залезла и по интернету накрутила. – Пал Палыч, не в силах сдержаться от живого воспоминания, рассмеялся, придавив рот ладонью. – Приехал в Опочку, в дом культуры. Там зал большой, полно народу. Вызвали. Вышел на сцену. Колет мне полковник, зам МВД области, пиджак, чтоб медаль повесить, а материал там как шкура лосиная – такой крепкий, что иголка медальная ня бярёт. И сама тупая, и никак ей ня проколоть. Пыхтит минуто-другую – уж в зале смеются все, ня понимают, чего мы там... – Пал Палыч снова прыснул в прижатую к губам ладонь. – А я ня стерпел, говорю полковнику на ухо: «Отдайте мне в руку, да я и пойду. Обязательно разве, чтоб висела?» Но он изловчился, пришпилил. – Задув в манок, Пал Палыч проводил взглядом летящую вдальке вереницу уток – те на призыв не свернули. – А помимо медалей, некоторые там были приглашены на грамоты. Ня всем медали-то – кому-то только грамота... И как-то так случилось, что ошиблись: одному опочецкому и грамоту дали, и медаль. А ме-

даль-то должна быть ня этому – другому. А дали опочецкому. Он сел, сидит. А потом хватились, что нет медали последнему – никак ня найти. Стали разбираться по фамилиям, по списку, и нашли. Говорят тому с Опочки: «Снимите, это медаль другому, ня ваша». А тот говорит: «Я её сябе ня вешал и снимать ня буду». Вышел опять на сцену, и у него с груди при всех медаль сняли. Вот так. Каково мужику было – он-то ня виноват...

Внезапно Пал Палыч замолк и вскинул ружьё. Пётр Алексеевич посмотрел в проделанный в тростнике просвет на ту сторону, где среди мясистых листьев кувшинок отдыхали болваньи, и увидел идущую на посадку утиную стайку: штук семь-восемь не то крякуш, не то свиязей, не то серков – в сумерках было не разобрать. Стрелять начали одновременно. Пётр Алексеевич разрядил оба ствола, стараясь не задеть чучела, Пал Палыч громыхнул из винчестера дважды и третий заряд послал уже удирающей стае в угон. На воде остались лежать три утки. Ещё один подранок, не в силах взлететь, метался рывками, уходя в сторону видневшегося вдаль камышового островка. Выстрелом его было уже не достать.

– Пошли за ним, – скомандовал Пал Палыч, снимая закрывающую проход маскировочную сетку и выталкивая лодку на открытую воду.

Пётр Алексеевич, перезарядив ружьё, принялся помогать ему, опираясь руками на всаженные в ил колья.

Плотно завешенные небеса цедили скупой свет, который

отражался широкими бликами на воде и позволял видеть недостреленную птицу, отчаянно стремившуюся к камышам. Пал Палыч сел на вёсла, Пётр Алексеевич направлял. Когда до утки оставалось метров сорок и Пётр Алексеевич уже собирался поднять ружьё, та вдруг разом исчезла из виду. Была – только моргнула, и нет её. По воде пошла рябь от набежавшего ветра, заиграли, загибая края, листья кувшинок... Пал Палыч и Пётр Алексеевич крутили по сторонам головами – утки не было. Чёрт знает что.

– Они могут, – вглядывался в сумрак Пал Палыч. – Иной раз подранок нырнёт, кончик клюва выставит и сидит так – поди его сыщи.

Проплыли вперёд, к тому месту, где только что трепыхалась утка. Осмотрелись, однако среди ряби, колышущихся листов кувшинок и прядей тянувшихся со дна озёрных водорослей ничего не было видно. Пустое дело. Повернули назад, чтобы собрать сбитую добычу, пока её не снесло ветром.

Только загнали лодку обратно в засидку, как небеса разверзлись и по воде ударили плети дождя. Пётр Алексеевич накинул на голову капюшон – капли стучали по ткани капюшона, мокрая сталь ружья на ветру холодила руки.

– Пал Палыч, вот вы говорили, что через кота с любым зверем объясниться можете. – Пётр Алексеевич приглушал голос, хотя под таким дождём ждать уток не приходилось.

– Могу.

– А не случалось с барсуком?

– С барсуком? Нет, ня случалось. – Пал Палыч изобразил короткое раздумье. – Ня пробовал даже. С этим разве договоришься? Разбойник, как и енот. Я кабану кукурузу сыплю, так эти набредут и всё подъедят. Иной раз на дереве сидишь, кабана стережешь, а он – барсук, енот ли – выходит в темноте из кустов и давай хрустеть. Сперва ня понятно – кабанок, что ли, нонешник? Чего его стрелять? В нём и мяса нет. А разглядишь – енот. Спугнуть бы надо, а как – вдруг кабан рядом: услышит – уйдёт и другой раз может ня прийти.

– А когда вы со зверем говорите, не важно с каким, вы с ним... как с человеком или иначе?

– Как с человеком, да. А как ещё? Он хоть и зверь, а своё соображение имеет. Как мы с вам – понимает, что ему в душу, а что попярёк пячёнки.

Пётр Алексеевич не знал, как повести разговор дальше, чтобы при этом не выглядеть обалдуюм. И не просто обалдуюм – обалдуюм повышенной странности. Он поднёс к губам мокрый манок, но дуть передумал.

– А бывает так, что они говорят с вами, ну... как бывшие люди?

– Как это?

– Вы, к примеру, коту: «Привет, котофей», а он вам: «Привет. Это я теперь котофей, а в прошлом я был директором троллейбусного парка».

– Нет, – признался Пал Палыч, – такого ня бывало. Другое было. – Он плутовато улыбнулся. – Обжулить норовят. Мол,

мы тут случайно, мы ня местные, наша ваш ня понимаеш. Это когда ты с него взять хочешь уговор. Врут, бесстыжие. Как люди прямо. Мы – в природе, а она вся с одной мерки. Каждый зверь свой дом и территорию от соседа охраняет: лось от лося, хорёк от хорька. Каждый деток уму-разуму учит и беду отводит: и лиса, и утица. Так заведёно и заведёно ня нам. Ну и чтоб соврать – тут тоже... Ня зря говорят: хитрый зверь – есть у них на хитрости способность. Ня поймите, будто я сказать хочу, что они как мы – это да, но только и в обратную сторону тоже: мы как они. По натуре то есть. Я это в виду имею. – Пал Палыч замолчал, припоминая что-то, и встрепенулся. – Погодите. Было раз.

– Что было?

– Вы про кота спросили. А у меня так с вяхирем. Говорю с им, а он: мол, что, ня узнаёшь? я ж твой приятель с юности. И точно, вспомнил его.

Дождь как-то разом стих и теперь едва моросил, хотя небо по-прежнему оставалось беспросветным – на его фоне уже почти не видно было утиных перелётов.

– Поплыли. – Пал Палыч положил винчестер на дно лодки. – Гуся нет. – Он оглядел потухшее пространство. – И утки уже ня будет.

К Новоржеву подъезжали в полной темноте. По пути через Жарской лес им повстречалась сначала лиса, бежавшая с распушённым хвостом вдоль обочины, а потом дорогу пе-

регородили две енотовидные собаки, которые, замерев, не хотели пропускать машину, зачарованные светом фар. Пётр Алексеевич пребывал под впечатлением – он относился к миру как коллекционер, однако в тайну его пристрастий проникнуть было сложно: разум его, в минуты восхищения, общался сам с собой и практически не реагировал на внешние реплики и мнения.

– Поужинаете с нами? – спросил Пал Палыч. – Нина чего-нибудь сготовила.

Пётр Алексеевич поймал себя на том, что боится ночи, боится остаться один на один с давешним удавом, едва не выставившем его из собственного телесного жилища, как сказочная лиса выставила зайца из его лубяной избушки. Должно быть, с тем же нарастающим ужасом ожидал наступления ночи философ Хома Брут, которому предстояло до петухов читать молитвы над гробом панночки, отмаливая её грешную душу. Приглашение Пётр Алексеевич принял.

Стол, как всегда в этом доме, был щедр и разнообразен.

– Я не против техники, помогающей мне жить, – вещал Пётр Алексеевич, поставленный перед непростым выбором между яичницей с салом и томлёнными в сметане карасями. – Но если дело дошло до окончательной цифровизации – тут я славянофил. Пусть лучше будет коммунизм.

– Люблю! – бурно соглашался Пал Палыч. – Верное слово!

За разговором засиделись – когда Пётр Алексеевич вышел на крыльцо, небо уже расчистилось и украсилось звёздами.

дами. Окна соседей были темны, лишь одно на углу улицы ещё смотрело голубой телевизор. Как-то незаметно рассосались и недавние опасения.

В Прусы добрался к полуночи. Печь не остыла – в комнате было тепло и уютно. Пётр Алексеевич умылся, разделся, залез под одеяло и подумал: «Хорошая эпитафия: „Жил скромно и умер из деликатности“».

Не заметил, как уснул. Ему снился сын – теперь он был уже большим, но во сне оставался маленьким. Пётр Алексеевич гладил его по голове и видел, что волосы от его макушки расходятся спиралью – рисунок вселенского замысла. Пётр Алексеевич понял это и обрадовался, вдохновлённый присутствием великого в малом. В том малом, которое ещё не сгорало от любви и не успело рассмешить мир проклятиями.

Димон не заходил.

2. Катеньки, лебеди и Везувий

Чтобы впустую не жечь бензин, решили ехать на одной машине. В багажнике цукатовской «сузучки», стеснённый двумя рюкзаками, возился Брос – умный русский спаниель, дружелюбный по нраву и шёлковый на ощупь, – он то и дело высовывал нос из-за спинки заднего сиденья, на котором стояла картонная коробка с притихшими подсадными утками и резиновая лодка в чехле. Пётр Алексеевич сидел рядом с профессором, который несуетно, с достоинством вёл машину сквозь нарождающуюся рассветную синь.

Весна задержалась, но снег на полях уже сошёл, только в лесу иногда между стволами просвечивали грязно-белые языки издыхающих ноздреватых сугробов. Да и они по мере того, как машина скатывалась на юг, мелькали всё реже.

– Я, знаешь ли, сейчас литературу не читаю. Так – по специальности, – с крупницей соли в голосе говорил профессор Цукатов, время от времени одёргивая манжет на кожаной пилотской куртке, в обстоятельствах охоты немного щеголеватой: манжет мешал – цеплялся за ремешок часов. – Имеет смысл записывать то, что достойно записи. С библейских времён, с «Махабхараты» и Гомера это правило всё больше разбавляет водянистая субстанция пустого слова. А теперь интернет и вовсе утопил в помоях само понятие смысла. И виной всему, чёрт дери, бездарное полуграмотное «я», кото-

рое тоже требует признания и бессмертия, как «я» воистину выдающееся. Вляпались – интернет, проповедуя свободу информации, нарушил иерархию. Мнение специалиста сейчас весит там столько же, сколько мнение первого встречного. И этот первый встречный не упускает случая влить в твои уши свою песенку – по большей части совершенно идиотскую.

Таков был ответ профессора на попытку Петра Алексеевича завести разговор о недавно нашумевшем романе, только что им прочитанном. Мысль Петра Алексеевича выглядела следующим образом: современная литература либо представляет идеи, предлагая с их помощью что-то *понять*, либо демонстрирует чувства, которые возбудить сама уже не в состоянии. И в том и в другом случае получается что-то вроде наглядного пособия в аудитории, где умудрённые преподаватели читают студентам лекцию: там, на этой таблице, как Христос, распят ленточный червь. Однако эти идеи и чувства – всего лишь художественная суэта, уловка, заячьи петли. Ведь автор, по существу, – это действующая модель чистилища, убежища душ, где те с трепетом ждут решения своей судьбы. И он же господин этого убежища. А посему главная его задача – определить герою жребий, от которого тому не отвертеться.

Несмотря на давность дружбы (пару лет вместе учились в университете, потом их дороги разошлись – один двинул в науку, другой в полиграфию, – но связь с годами не терялась), Пётр Алексеевич при встрече с Цукатовым порой

ощущал с его стороны какое-то подспудное сопротивление, словно профессор заранее был не согласен со всем, что Пётр Алексеевич думает и говорит, но почему-то не спешил сообщить об этом напрямую. Приписывать причину этого упреждающего отрицания, иной раз отдающего снобизмом, приобретённому невесть где Цукатовым самодовольству Пётр Алексеевич не спешил – всё-таки годы дружбы обязывали если не к всепрощению, то к терпеливому вниманию. Хотя, конечно, нельзя было не заметить перемены: теперешний Цукатов, в отличие от того, давнего, мог легко позволить себе опоздать на встречу, если она была назначена не ректором, и демонстративно пропустить мимо ушей приветствие студентов, случайно встреченных на карельском просёлке. Словно профессор уже загодя знал о том или ином человеке главную тайну: не быть клушке соколом, – и не намерен был тратить на него лишнюю минуту жизни.

В ответ на небрежность по отношению к заведённому им разговору Пётр Алексеевич сообщил:

– Что касается литературы по специальности. В научной среде считается, будто каждый профессор должен написать книгу, которая принесёт ему славу. Но выдающихся открытий на всех не хватает, поэтому теперь, чтобы оказаться в фокусе внимания, профессорá просто представляют взгляды своего предшественника в корне неверными и так выходят из положения. Чем значительнее был тот, над кем теперь глумятся, тем действеннее приём. Ведь это не трудно. У вас как?

Если вздор подтверждён парой ссылок, это уже не вздор, а истина.

– В фундаментальной науке иначе, – со скрытой досадой отвечивал Цукатов. – Там важна преемственность школы.

Пётр Алексеевич понял, что месть свершилась.

Годы знакомства приучили их не опасаться ни повисающих пауз, ни разогретого добела спора, однако при этом ничуть не сгладили углов, которыми при соприкосновении цеплялись их натуры. Профессор во всём любил порядок, и благодать его считал неоспоримой; Пётр Алексеевич был сторонником естественного бытия вещей. Когда Цукатов смотрел в ночное небо, он видел чудовищный, непозволительный кавардак – будь его воля, он расставил бы все звёзды по местам и там прибил, чтобы уже не сдвинулись. А как бы приструнил луну – представить боязно. Быть может, сохранил навек очерченной по циркулю и проложил ей неизменный путь, а может, навсегда стёр ластиком. Загадка. Пётр Алексеевич в свой черёд, имей власть над материей, в ночном небе ничего б не тронул – пусть будет так, как есть, – просто б смотрел, топя в межзвёздной черноте потуги мысли, и, то трепеща, то ликуя, испытывал чувства.

Возможно, по этой причине (смирение перед заведённой пружиной мироздания) Пётр Алексеевич не усердствовал в замыслах, во многом полагаясь на удачу, и не впадал в иступление, когда не удавалось то или иное дело довести до точки. Цукатов же и самый малый труд всегда обставлял ос-

новательно, с лица до подкладки изучал вопрос, словно был уверен, что сам Господь Бог наблюдает, какую задвижку он выберет для дымохода дачной печи, и вердикт Страшного суда будет вынесен ему именно по результату этого выбора.

Мост через Топоровку ремонтировали. Похоже, в аварийном порядке – второпях даже не успели навести временного обходного. Пришлось давать крюк.

Свернув на объездную грунтовку, Цукатов остановился на обочине и достал планшет. Брос пискнул в надежде, что сейчас его выпустят на пробежку, но тщетно: в пути хозяин уже делал остановку, предусмотренную здоровым распорядком собачьей жизни, и необходимости ещё в одной не было. На электронной скрижали появились рисунки и письма. Вызвав дух карты, профессор повертел изображение пальцем, исследуя окружной маршрут.

– Километров тридцать, – прикинул Цукатов размах предстоящей загогулины.

Незнакомая дорога взбодрила. Здесь ноздреватых снежных языков уже не было и в помине. Кругом – охра лугов, сочная синь небес, прозрачные чёрные перелески, скрывававшие россыпи первоцветов, и тёмная хвойная зелень. Кое-где уже виднелись стрелки молодой травы, а по краям дороги иной раз встречалась проклюнувшаяся мать-и-мачеха. Земля холмилась и опадала – когда дорога взбиралась на пригорок, открывались широкие пейзажные дали с теряющимся в дымке горизонтом, скупые по цветам, чёрно-желтовато-бу-

рые, но выразительные в своей аскетичной строгости. Деревни в этих местах выглядели обитаемыми: над крышами тут и там курились дымки, а поля лежали ухоженные и готовые к севу. Как будто и не было одичания земли, оставившего скорбный след по всему нечерноземью, где кровли совхозных коровников зияли провалами, а пашни давно сменились зарастающими пустошами.

Подсадных уток после охоты Цукатов намеревался подарить Пал Палычу. Сам он получил их от начальника университетской стройгруппы, страстного и умелого охотника, державшего с полдюжины подсадных на чердаке одного из учебных корпусов. А тут в корпусе затеяли ремонт – перекрывали крышу, – вот утки и пошли по рукам.

Когда приехали в Новоржев, Цукатов сообщил Пал Палычу о подарке.

– А ня надо, – рассыпая якающий псковский говорок, испортил церемонию благодеяния Пал Палыч. – Мне зачем? Я же на утку редко – вот только с вам, или ещё когда. А их – корми.

– Может, кому-то из ваших приятелей нужны?

– Так Андрею рыжему, – недолго думая, сообразил Пал Палыч. – Староверу из Михалкина. У него лодку брать. А тут отвяжет без печали.

Однако настроенный на щедрый жест Цукатов не хотел сдаваться:

– Пал Палыч, вы, помнится, про лайку говорили – будто к своим вымескам хотите одну породистую завести.

– Породная ня помешала б, – согласился Пал Палыч.

– Есть карельская медвежья. – Профессор поддёрнул манжет куртки и разложил по полочкам: – Пёс. Медалист по экстерьеру. Два года. Только собака домашняя – на охоту не поставлена.

– Поди, мядалист денег стоит. – Пал Палыч почесал темячко.

– Знакомые так отдают. Пропадает пёс в городе. Лайке воля нужна.

– А возьму, – махнул рукой Пал Палыч. – Натаскивать с ма́льства лучше, но ничего – и двухлетку можно.

Профессор был удовлетворён – пообещал привезти лайку на майские.

Прокатались до конторы охотхозяйства и оформили путёвки.

Пока Нина, жена Пал Палыча, накрывала на стол, Пётр Алексеевич поставил коробку с подсадными в парник и занёс в дом рюкзаки, а Цукатов покормил и прогулял юркого Броса. На небо понемногу нагнало облаков, но вид они имели безобидный – не грозили дождём, а просто плыли под куполом, как белая кипень по реке.

– Ня хочу ни в какой бы другой стране родиться, кроме как в нашей. – Тягая ложкой из тарелки щи, Пал Палыч всякий раз всасывал их в рот с коротким свистящим звуком «ву-

пть», и брови его при этом взлетали на лоб птичкой. – И грибы, и ягоды, и рыба, и птица, и зверь всякий – всё есть, всё дано. К нам кто бы ни пришёл, а мы в природе выживем. Нигде такого нет. Нам можно любой строй, и мы будем жить легко, только ня загоняй нас в угол, ня лишай вот этого, природного. Законами, я в виду имею. И ня надо нам ни цари, ни секретари, ни президенты – никого ня надо. Только дети – они, если что, и помогут. Ну и окружение...

Пётр Алексеевич налил Пал Палычу и себе в рюмки водку. Цукатову не налил – Цукатов за рулём.

– Главное, будь сам человеком, – продолжал мыслить Пал Палыч. – Бяри столько, сколько сможешь съесть, но ня больше. Жадничать ня надо. Вот якут бярёт оленину – ему положено. А нам тут ничего ня положено – ни мясо, ни рыбину. А вы говорите: браконьер...

– Мы не говорим, – сказал профессор.

– А Пётр Ляксеич говорит.

– Было дело, – подтвердил Пётр Алексеевич.

– Тут как смотреть. – Пал Палыч поставил на стол пустую рюмку, взял ложку и сделал очередное «вупть». – Тут как бы да. Но нет. Просто долю бяру свою. Ты видишь – один лось остался, так ня тронь его, пусть живёт. Ня то вон на засидке кабана жду – а он орёт, лось-то, кругами ходит километра на три, туда-сюда, кричит. Осень – гон идёт. Вот он и ищет самку да чтобы с кем подраться. А он один в округе – где там найдёшь. У меня душа трещит.

– Так кто ж до того довёл? – укорил хозяина в непоследовательности Пётр Алексеевич. – Не ваши ли бригады?

– За других ня скажу, – схитрил Пал Палыч, – а я на охоте последнего ня возьму. Да и в бригаде ня хожу давно. А и ходил – финтил по мелочи. – Припомнив что-то, Пал Палыч рассмеялся. – Все стоят на зайца, ждут, когда он круг даст. А зачем мне ждать? Он, заяц, пошёл на полкруг, а я туда, в тот конец, уже бягу – я ж по бегу спортсмен был – и там зайца взял. Попярёд всех. Так и бегал...

Пётр Алексеевич налил по второй.

– В жизни как? – обобщил Пал Палыч. – Ты мне ня вреди, и я тябе ня наврежу. А то и помощи, так и я помогу. Этот маленько подсобил, другой тоже, глядь, и сладилось дело. Так-то по-честному. А то – браконьер... – Пал Палыч понемногу распаялся. – А кто это придумал? Человек придумал. Да ещё в корыстных целях – мне можно, а ты ня тронь. За браконьерство я тебя данью... ну, штрафом обложу. Я буду, мне всё позволено, а ты ня тронь – вот и всё мышление. Я для себя людей давно поделил на три категории воров. Ну, если о тех, которые воруют. Первая, – Пал Палыч приподнял и снова поставил на стол миску со сметаной, как бы уполномочив её представлять первую категорию, – это воры, которые шушарят, чтобы барыш нажать, с целью обогащения. Такая категория вядёт к подрыву государства. Вторая, – рядом со сметаной лёг ломоть хлеба, – это я и такие же, как я. Мы ворует, чтобы прокормить сямью. Вот так вот: в природе жить

и приворовывать – кабанчик, сетка – ня в прямом, конечно, смысле. Те государство подрывают, несут ущерб, а мы, значит, кормим сямью – ня больше, мы на том ня богатеем. Если начинаем богатеть, то в ту категорию перяходим, в первую. Третья категория, – возле хлеба встала рюмка с водкой, – это люди слабые, опустившиеся, которые себя в жизни ня нашли. Эти вот тут своровали, тут продали, тут пропили. Ня уголовные – простые люди.

– Да вы, Пал Палыч, философ, – выставил оценку Цукатов. – Сократ.

– Шурупим помаленьку. – Пал Палыч, чокнувшись с Петром Алексеевичем, опорожнил третью категорию. – И вот как надо. Первую категорию, что касается суда, – сажать. Вторую – оставить в покое, ня трогать. Третью – судить ни в коем случае няльзя, её надо вылечивать, есть у нас медицинские учреждения. Этих людей надо восстанавливать, чтобы они перяшли во вторую категорию. Понимаете? Сямью содержи, рыбину поймай. Вот я поймал, – Пал Палыч указал на блюдо с жареной рыбой, ещё утром сидевшей в его сетке на озере, – так я ей накормил, а ня сгноил и лишнего ня взял. А ты, который в первой категории, ты свиноферму завёл, дерьмо в реку спустил – рыба центнерами всплыла. И тябе штраф – две с половиной тыщи! Это правильно? Так что ж, меня за рыбину штрафовать? – Пал Палыч выдержал интригующую паузу. – Вот моя цель – ня переходить ни в третью категорию, ни в первую. Дяржись на второй – и всё

будет хорошо и в сямье и всюду.

– Балабол, – сказала Нина. – Людям слова вставить ня даёшь.

– Наша ваш ня понимащ, – хохотнул Пал Палыч и продолжил: – А у нас всё ня так. Сломаем до основания, а после строим. А что мы строим, если всё поломано? Умный человек ломать ня будет, он будет ремонтировать.

Сообразив, что сейчас хозяин свернёт к политике, Пётр Алексеевич перевёл стрелку:

– Вот вы, Пал Палыч, говорите, будто природа у нас такая расчудесная, что лучше не бывает.

– А так и есть, что нету лучше, – подтвердил Пал Палыч.

– А как же зима? Ведь зимой жизнь замирает, кутается в снега. Кругом ничего нет – пустой звук.

– И зима – тоже хороша, – не дал природу в обиду Пал Палыч. – Я за зиму что скажу? Мы пяретруждаемся, изнашиваемся за лето, потому что работы в деревне много – иной раз до двенадцати часов. Светло ведь. А зимой, я заметил, как семь-восемь – так спать хочется. Я больше сплю, чем работаю. Воздействует на меня – так природа в человека заложила, так им руководит. Чтобы ня снашивался быстро, чтоб ня ломался от усердия. Значит, и зима на месте.

Днём, прежде чем отправляться на вечерку, Цукатов решил съездить в лес – показать Бросу рябчика. Собрался за компанию и Пётр Алексеевич.

Рябчик – однолюб, не то что глухарь и тетерев. Ещё с осени петушок выбирает себе подругу, и пара зимует вместе. Весной, после тока, сообща заботятся о потомстве – показывают цыплятам ягодушки, оберегают от хищника, отважно уводя врага от затаившегося выводка. За то, что оба родителя равно растят и пестуют птенцов, весенняя охота на рябчика запрещена. Цукатов сказал, что стрелять не будет, только подманит пищиком-пикулькой, чтобы Брос поглядел, а может, верхним чутьём и учуял. Что до повадок, про них объяснит собаке в августе: научит искать птицу, поднимать на крыло и сажать на дерево, но не облаивать – ни-ни, – поскольку рябчик этого не терпит, а бежать к хозяину с докладом и отводить в нужное место. Однако Пётр Алексеевич не верил, что, подманив петушка, профессор удержится от выстрела. А стрелял он метко и на охоте был добычлив. И что тогда? В какой категории воров по систематике Пал Палыча окажется Цукатов?

– Тут пойдёте – тут нет рябчика, – сказал Пал Палыч. – За Теляково ехать надо, и дальше – за Голубево, за Подлипье. Он там. Там лес другой, сосён нет совсем, только ёлка да деревёны.

Сам Пал Палыч, как выяснилось, компанию им, увы, не составит ни сейчас, ни на вечерке: к нему на четыре дня приехал погостить сын, после срочной службы нанявшийся в Петербурге матросом на речной буксирчик. Вместе с ним Пал Палыч пропал на строительстве дома для замужней

дочери, уже родившей ему двух внуков. Сын и теперь был там, пообедав прежде гостей. На вопрос Цукатова, зачем дочери свой дом в Новоржеве, раз она живёт в Петербурге и копит с мужем на квартиру, Пал Палыч отвечал, что, мол, ничего, пусть будет. Ведь строит он по большей части сам – в основе дочкин сертификат с материнским капиталом, на него выписан и привезён лес, доставлены и положены красном бетонные плиты на фундамент, а в остальном всё своими руками. Так и растёт дом помаленьку своей силой, как гриб. Но к осени – кровь из носу – надо вывести под крышу. «А если в стране беда? – не питая надежд на будущее, воображал Пал Палыч. – Смута, и всё опять посыплется? Так мы с Ниной в её дом перейдём, а свой, большой, детям отдадим. Деньги нужны – продавайте, а нет – живите и хозяйство дряжите, прокормитесь».

Окрестности Новоржева Пётр Алексеевич знал, разумеется, не так хорошо, как Пал Палыч, но понял, про какой лес тот толковал. Из этих краёв был родом тесть Петра Алексеевича, которому Пал Палыч от широкой души помогал вести пчелиное хозяйство: объединял рои, смотрел магазины, вырезал в детке маточки, весной открывал лётки, осенью закладывал в ульи пластины от варроатоза². Когда приходила пора снимать магазины и качать мёд, к делу подключались и Пётр Алексеевич с женой. Тесть был в годах и жил

² *Варроатоз* – распространённое заболевание пчёл, вызываемое клещами рода *Varroa*.

здесь только летом, поэтому на весенней и осенней охоте Пётр Алексеевич, чтобы не протапливать полдня простывший деревенский дом, иной раз останавливался у Пал Палыча, благо в просторных его хоромы углов было много. А если приезжали шарагой – втроём и более, – тогда уже Пал Палыча не беспокоили, топили печь в избе.

Добравшись до ельника, разошлись в разные стороны. Пётр Алексеевич решил просто побродить по лесу наудачу – вдруг получится кого-то взять с подхода, а Цукатов с Бросом двинулся в чащу, попискивая пищиком и прислушиваясь – не отзовется ли рябчик. Тут компанией ходить не стоило, а то недолго и *подицуметь* осторожную птицу – Цукатов даже спустил штанины поверх голенищ сапог (он был в обычных сапогах – болотники лежали в машине до вечерки), чтобы прошлогодняя трава, ветка куста или сухая хворостина не били по резине.

Ельник был мрачноват и сыр, однако и тут закипала весенняя жизнь, наполняя воздух запахами проснувшейся земли и трелями спорящих между собой за самок пичуг. Новая зелень, oprичь не меняющих цвета мха и брусники, только ещё пробивалась из лесной подстилки, но на опушке в молодом осиннике Пётр Алексеевич набрёл на уже расцветшую ветреницу, густо обсыпанную бурую подкладку прелого опада. Нежные лепестки были не белыми, а слегка лиловыми, какого-то редкого, невиданного оттенка. Пётр Алексеевич наклонился, погладил цветок пальцами – один, другой, третий – и

обрадовался. Рядом свежо зеленел чистотел – этому и зима нипочём. Потом в осиннике ему повстречался дуб, раскидистый и крепкий. Его обильная прошлогодняя листва шуршала под ногами. Дуб был кряжист и мускулист, как бывалый атлет, – впрочем, все деревья в лесу имели заслуги, и весна уже готовилась каждую вершину увенчать зелёным венком...

Петру Алексеевичу было хорошо здесь, в этом оживающем лесу, среди набухающих и лопающихся от избытка тихой силы почек, среди тёмных еловых крон, бородатого лишайника и звучной птичьей болтовни, не умолкающей ни на миг. Он был здесь не один – и пусть лесная живность не спешила показаться на глаза, пусть осторожничала и таилась – ведь и от волка таятся заяц и барсук, – пусть он не был для леса и его обитателей *своим*, каким был тот же волк, но и чужим себя он здесь не чувствовал определённо.

К машине Пётр Алексеевич вернулся первым, так и не сняв ни разу с плеча ружьё. Вскоре показался и Цукатов. Вернее, сначала шёлковой, пятнистой чёрно-белой пулей подлетел Брос – исполнил, ласкаясь, у ног Петра Алексеевича восторженный танец, – а после вышел из чащобы и хозяин.

– Нет рябчика, – сказал Цукатов. – Откликнулся два раза, а на глаза не показался.

Тут оба услышали глуховатое тюканье, как будто кто-то

выбивал по дереву приветствие морзьянкой. Неподаляку по осине скакал зелёный дятел в красной шапке, сидел на хвост и простукивал тут и там древесный ствол. Пётр Алексеевич и сообразить не успел, как Цукатов вскинул ружьё, прицелился и вдарил. Дятел пал.

– Брос, подай! – строго скомандовал профессор и пояснил Петру Алексеевичу: – Чучело закажу. У нас как раз в музее нет такого.

Брос бережно принёс обвисшую тушку и отдал в руки Цукатову.

– А что научное сообщество? – поморщившись, спросил Пётр Алексеевич. – Не осуждает?

Он не любил, когда стреляли в тех, кого охотник обычно не считал добычей. Но для музея... Это, разумеется, совсем другое дело.

Цукатов обстоятельно растолковал, что охота – это не уродливый и грубый атавизм, не убийство в заведомо неравной схватке, где понапрасну гибнут безобидные зверюшки в пушистых шкурках и пёстрые птицы. Нет, чёрт дери, охота – едва ли не последняя возможность вступить в глубокое и полное общение с природой, погружение в то первобытное состояние единства с жизнью, которое уже давно ушло из наших будней. Вот если, скажем, загонный лов, то тут охотники – это дружина, братство, где уже нет места вчерашним должностям и репутациям: армейский генерал, директор цирка, хозяин сотовой сети ничуть не выше остальных

и готовы склониться перед авторитетом рядового егеря. Тут каждый радостно ввергается в архаику, воссоздавая исходные, но, увы, утраченные связи, в которых важны лишь личные умения, природное чутьё и доблесть.

При этих словах Цукатова Пётр Алексеевич припомнил эпопею классика – ту самую хрестоматийную историю, где ловчий Данила в сердцах грубит и грозит своему барину, графу Ростову, арапником, а тот в ответ конфузится. Что ж, здесь с профессором нельзя не согласиться. Охота – чистая мистерия, где все участники с головой уходят в какую-то утопию, в безвременье, в мир эпоса и богатырской былины, неотделимые от первозданной природы, всё ещё полной восторгов, страхов, ярости и сказок.

– И даже если не загонная охота, а просто так – один с собакой и двустволкой бродишь, – отливал круглые фразы Цукатов, – то и тогда ты выпадаешь из тарелки. Слышал такое выражение: наедине с природой?.. – Профессор поднял взгляд и, почувствовав легковесность довода, усмехнулся – лирика не была его коньком. – Охотник по зову сердца, по натуре – это совсем другое дело, чем тот, кто берёт ружьё из любопытства. Представь только, что может сделать человек из увлечения, из страсти, *по охоте*. Это же одержимый тип, стахановец! Ему здоровье, жизнь – пустяк! Такой, другим на удивление, своею волей идёт на риск, на испытания, на тяготы – двужильная натура, не ровня остальным! Таиться на зорьке в камышах... Сидеть ради одного выстрела часами

на болоте... День проходить по лесу, упустить добычу, но не впасть в уныние, а наоборот – воодушевиться уважением к хитрому зверю... – Цукатов почесал за ухом, чувствуя, что слишком разогнался и пора уже итожить. – Словом, главное на охоте не убийство, а состязание. Охотник не испытывает кровожадности. Он ищет единства с этими дёбрями, с этим озером и этим полем... Тут, чёрт дери, не загородный пикник, тут растворение в стихии.

Собственно, Пётр Алексеевич не спорил – он и сам не раз всё это уже прочувствовал, но высказаться профессору не мешал, соблюдая правила дискуссии, главное из которых – не трубить одновременно.

– Тут вот какое дело, – дождавшись паузы, вступил Пётр Алексеевич. – Перерождение человека из трансцендентного субъекта в хуматона³, составляющее суть процесса современного антропогенеза, характеризуется нарастанием в нас градуса бесхитростного умиления. – Книгу «Последний виток прогресса», откуда Пётр Алексеевич почерпнул эти сведения, в своё время дал ему почитать коллега Иванюта, державший палец на пульсе культурных новинок. – Уже сейчас соцсети утопают в потоке фотографий и роликов щеночков, котиков, енотиков и прочих мягких игрушек, а в среде юной поросли из года в год набирает размах идейное веганство. Недалеки те времена, когда из электронных библиотек – бу-

³ *Хуматон* – индивид, живущий рефлексами, чьи интересы и амбиции обеспечиваются программой матрицы (*Хорсли Дж.* Воин Матрицы).

мажных не останется, их и сейчас уже расценивают как пожароопасный склад макулатуры – начнут изымать книги Сабанеева и купировать у Толстого сцены охоты. Чтобы не расстраиваться за меньших братиков.

Цукатов моргал, прикидывая, как следует отнестись к этой эскападе. Пётр Алексеевич вещал:

– Следом это бесхитростное умиление начнёт вводить в сферу *мимими* рептилий, гнус и тараканов. Тогда уже и комара, втыкающего хобот в твоё тело, трогать не моги, не говоря уже о лабораторной крысе или дрозофиле. Тут разом и конец – и охоте, и твоей науке.

Сообразив, что он имеет дело с футуристической фантазией, профессор улыбнулся, но тему развивать не стал. Вместо этого поинтересовался: нет ли поблизости озера или пруда, где могут сидеть гусь и утка? Один пруд был совсем рядом – у обезлюдевшей деревни Голубево, где остался единственный обитаемый дом, да и тот заселялся только летом, а ещё четыре озера Пётр Алексеевич знал поблизости – между Теляково и Прусами. Решили, если позволит время, объехать все.

Весной брать водоплавающую птицу разрешено только с чучелами и подсадными, с подхода нельзя, но, как уже знал Пётр Алексеевич, большинство охотников легко пренебрегут при случае запретом, как на пустой дороге большинство водителей без зазрения совести пренебрегают скоростным режимом. Даёт о себе знать опустошающий азарт. Таков че-

ловек – иначе был бы чистый Гуго Пекторалис⁴.

Оставив машину на едва набитой дороге, осторожно подошли к обширному пруду, заросшему по берегу густой, а местами и непролазной лозой (сейчас голой, с едва раскрывшимися коробочками пушков на молодых ветвях, оплетённой кое-где сухим прошлогодним вьюном), и, пригнувшись, посмотрели сквозь просвет в кустах. На глади сидели штук восемь-девять крякв: одни, поплавком выставляя вверх хвосты, ныряли и пощипывали придонную траву, другие неторопливо плавали без видимого дела, оставляя за собой расходящиеся водяные дорожки. Цукатов затаился возле просвета, непререкаемым шёпотом и твёрдым жестом усадив Броса на землю, а Пётр Алексеевич, стараясь не подшуметь утку, с воспламенённой кровью двинулся, скрываемый чёрными зарослями, вдоль берега в поисках позиции под верный выстрел.

Стрелять начали почти одновременно. Птица тут же с хлопаньем и плеском встала на крыло, взмыла и ушла за возвышающиеся над зарослями голые кроны деревьев. На воде остались два селезня и утка. Ещё один подранок ушёл в гущину на противоположном от Петра Алексеевича берегу. Две утки лежали неподвижно, одна вздрагивала и дёргала крылом – её профессор, перезарядив ружьё, добил.

Брос притащил добычу. Подхватив трофей за кожаные лапы, Пётр Алексеевич понёс уток к машине, а Цукатов, обой-

⁴ Гуго Пекторалис – персонаж рассказа Н. Лескова «Железная воля».

дя пруд, полез с собакой в заросли искать подранка.

Провозился профессор довольно долго.

– Нет нигде, – сказал, вернувшись. – Как сквозь землю.

Он распахнул дверь багажника, и Брос, виновато пряча взгляд, запрыгнул внутрь.

Цукатов сел за руль и завёл двигатель.

– Хорошая штука, – огладил он кожаный рукав только что испытанной в кустах пилотской куртки. – Ни ветка, ни колючка не цепляют.

На круглом озере возле Прусов (из четырёх намеченных это было самое большое), сразу за сухим прибрежным тростником, недалеко друг от друга сидели стайка белобокой чернети и пара желтоклювых красавцев-кликунов. И тех и других можно было достать с берега выстрелом.

Профессор и Пётр Алексеевич подкрадывались осмотрительно, но их заметили – пугливая чернеть мигом взлетела, не подпустив охотников, а кликуны только покосили глазом и, не теряя достоинства, неторопливо двинули вдоль серого тростника в сторону. Лебедей здесь не стреляли, и те излишне не осторожничали. А зря. Цукатов проворно подскочил к берегу, вскинул ружьё и дублетом уложил ближайшего белоснежного красавца. Второй, утращённый грохотом, торопливо взмахнул роскошными крыльями, разбежался по воде, взлетел и ушёл вслед за чернетью.

– Ты что делаешь? – опешил Пётр Алексеевич.

– А что? – не понял Цукатов.

– Здесь лебедей не бьют.

– Почему?

– Потому что – красота.

– Ерунда. На Руси лебедя на стол испокон века подавали.

– Жлоб ты, ей-богу, – в сердцах припечатал профессора

Пётр Алексеевич и пошёл к машине.

Он знал Цукатова и видел, что тот искренне не понимает своей неправоты, поэтому не столько злился, сколько скорбел.

Лебедь был велик для спаниеля – такую большую птицу Бросу, должно быть, подавать ещё не приходилось, и он страшился. В болотниках тоже не подойти – летом Пётр Алексеевич иной раз купался здесь и знал глубины. И не разденешься – вода апрельская, студёная. Пришлось профессору надуть лодку. В итоге на остальные три озера времени уже не хватило – надо было возвращаться к Пал Палычу, ошипывать, палить и потрошить добычу, а после с посадными и чучелами (Пётр Алексеевич хранил десяток чучел у Пал Палыча) спешить в Михалкино на вечерку.

– Ты, главное, Нине не показывай, – посоветовал Цукатову Пётр Алексеевич. – Ощипли втихаря, скажешь – гусь.

– Что ещё за предрассудки?

– Ты человек чёрствый, жестоковыйный, толстокожий – тебе всё равно. А она огорчится – она женщина хорошая, – объяснил Пётр Алексеевич. – А кто хорошую женщину огор-

чит, того жизнь накажет.

– Не сочиняй. – Профессор усмехнулся. – Нина на земле росла – тут не то что лебеда... тут котят в ведре топят.

– Как знаешь, – не стал спорить Пётр Алексеевич.

Лебеда Цукатов, конечно, засветил.

Пал Палыч, примчавшийся со стройки, чтобы выдать припрятанный в гараже мешок с чучелами, сказал профессору:

– Идите в парник щипать, чтобы соседи ня видали.

Нина и впрямь огорчилась – взгляд её взблеснул, потом затуманился, лицо побледнело, и она, сникнув, молча ушла в дом.

Утиные и лебединые потроха профессор разложил по одолженным у Пал Палыча банкам и залил спиртом, чтобы отвезти в СПб и изучить на предмет паразитов. Обычное дело – зоологический учёный интерес. Соратники по охоте, поначалу недоумевавшие, со временем удивляться перестали: ничего не попишешь – такая у человека работа.

Разделавшись с дичью и положив её, пахнущую палёным пухом, в большую, отдельной тумбой стоящую морозильную камеру (зелёный дятел полетел туда как был – в красной шапке и изумрудных перьях), отправились на Михалкинское озеро, чтобы успеть до сумерек подыскать место, разбросать на воде чучела и обустроиться в камышах. Подсадных рассадили в две небольшие коробки, тоже одолженные у хозяев, – охотиться собирались с двух лодок.

Сверкающее предвечернее небо подёрнула на востоке пепельная пелена. За мостом через Льсту, с правой руки, разбегалось вширь щетинящееся тут и там вихрами кустов и молодых берёз поле, теперь заброшенное, но прежде пахотное – Пётр Алексеевич помнил его сплошь покрытым, как пёстрым ситцем, цветущим голубыми искрами льном. По полю, напротив стоящих за рекой Прусов, шли две желтовато-серые косули, едва заметные на фоне жухлой прошлогодней травы. Пётр Алексеевич толкнул профессора в плечо и молча показал на изящных белозадых красавиц – до них было метров двести. Цукатов съехал на обочину, не заглушая двигатель, остановился, достал из бардачка бинокль и, опустив стекло пассажирской дверцы, долго смотрел на ответно замершую парочку, поводящую большими ушами и настороженно поглядывающую в сторону автомобиля.

– Хороши, чёрт дери, – похвалил грациозных оленьков профессор. – А на востоке Ленинградской их нет. Ездил на кабана за Пикалёво – туда, на границу с Вологодской, – там охотники косуль в глаза не видели.

Что хвалил профессор – зримую красоту зверя или тушу воображаемой добычи, – Пётр Алексеевич не понял.

Снова вырулив на дорогу, Цукатов притопил педаль.

В Баруте и Михалкине издавна жили староверы – какого толка, откуда здесь взялись, как и почему? – деталей не знал даже всеведущий Пал Палыч. С годами народ в округе перемешался, однако славу свою сёла сохранили: стоявшие по

соседству, были они знамениты огурцами – благодатная ли почва, вода или какой-нибудь другой секрет, но только огурцы со здешних грядок считались лучшими не то что в районе, а, может, и во всей области. За счёт огурцов селяне и жили, свозя урожай на рынки в Новоржев и Бежаницы. Пётр Алексеевич не раз пробовал эти дары природы и даже помогал жене закатывать их в зимние банки. Теперь он не смог бы наверняка сказать, в чём именно состояла их прелесть, но такова была сила легенды, что, хрустя в июле михалкинским огурчиком, он всем нутром ощущал его несомненное превосходство над любым другим.

Остановились возле избы рыжего Андрея. И дом, и хозяйственный двор отгораживал от улицы добротный забор. Впрочем, ворота были с обманчивым радушием открыты. Цукатов и Пётр Алексеевич вышли из машины и встали возле ворот – они не первый год поддерживали через Пал Палыча знакомство с Андреем, но тот ни разу не пригласил их не то что в избу, но и в надворье. А между тем и Пётр Алексеевич, и Цукатов, что ни случай, везли ему гостинцы: дробь, капсули (Андрей был бережлив и заново снаряжал отстрелянные гильзы), и вот теперь – подсадных.

На крыльцо вышел хозяин, лет тридцати пяти, среднего роста, лицо добродушно-хитроватое, в веснушках, взгляд острый, умный, волосы и борода – огонь. Пал Палыч ещё перед обедом звонил ему и говорил о лодке. Подойдя к воротам, Андрей степенно поздоровался с гостями за руку и про-

тянул ключ от лодочного замка. Цукатов принял.

– Помните какая? – спросил Андрей и подсказал: – Голубая, с зелёными скамьями. Вёсла в лодке – цепь в уключины продета.

– Разберёмся, – заверил Цукатов.

В юности, не поступив с первого раза в университет, Цукатов год отработал на заводе учеником фрезеровщика, на основании чего считал себя знатоком простонародных нравов и умельцем вести *правильный разговор* с человеком труда, насквозь прозревая его ухватки. Хотя тут и без микроскопа было видно, насколько рыжий хозяин непрост.

– Что утка? Есть на озере? – осведомился профессор.

– Маленько есть. – Хозяин сощурил лукавые глаза.

– А гусь?

– И гусь садился. – Рыжая борода величаво качнулась. – Вы всех не бейте, нам оставьте.

– Оставим, – пообещал Цукатов. – Вечёрку с подсадными отсидим и, может, утреннюю зорьку. Если не проспим. А после – подсадные ваши.

– Добро, – кратко, с достоинством отвечивал Андрей. – Тогда ключ завтра и вернёте. Спасай вас Бог.

Подъехали к берегу, выпустили на волю Броса и переобулись в болотники. Вода в озере почти не поднялась: зима была малоснежной, весноводье – скудным и коротким. Понемногу смеркалось – впору было поспешить.

Надули лодку, поделили чучела и договорились так: Цука-

тов с Бросом сядут в плоскодонку, а Пётр Алексеевич возьмёт одноместную резинку.

Миновав сухую осоку и камыши, сквозь которые к лодочным привязям был пробит проход, вышли на открытую воду. Пётр Алексеевич помнил, что если плыть влево вдоль берега, то там, за мысом, вскоре начнётся череда камышовых заводей и береговых загубин, где они с Пал Палычем прошедшим августом стреляли утку с лодки. Туда он и решил направиться, поглядывая, где на воде качаются пёрышки – верный знак, что утка здесь уже садилась. Цукатов погрёб прямо, вглубь озера, где виднелась цепочка сливавшихся и распадавшихся камышовых островов – он намеревался сесть в засидку там.

Поодаль с места на место перелетали парами и небольшими стайками нырки и кряквы, над кромкой берега звонко кричали чибисы (здесь говорили «пиздрики»), плавно махали крыльями вездесущие воробны, какие-то мелкие птахи в бурой прибрежной осоке невысоко вспархивали и как-то зло попискивали, словно уже исчерпали в состязании всё благозвучие своих голосов и теперь просто сквернословили. Ветер стих, лишь изредка покачивая камышины, но не оставляя следа на глади вод. Вдали на постепенно темнеющем, однако всё ещё посверкивающем зеркале паслись утиные табунки и несколько длинношеих лебедей. Гусей не было видно ни на воде, ни в огромном небе.

Потратив на поиски примерно четверть часа, Пётр Алек-

сеевич приглядел довольно обширную заводь со следами утиной днёвки и удобными камышовыми зарослями, в дебрях которых легко можно было укрыть лодку. Замерив веслом глубину, Пётр Алексеевич размотал привязи грузил на чучелах и живописно расставил стайку, потом достал из коробки тут же заголосившую подсадную, привязал к ногавке бечёвку с тяжёлым железным болтом и определил утку возле компании пластмассовых сородичей. Та первым делом раз-другой окунулась с головой в воду, освежая перо.

Как смог, Пётр Алексеевич разогнал резинку и врезался широким носом в камыши, стараясь засадить лёгкую лодочку как можно глубже в шуршащие заросли. Глубоко не получилось. Тогда он прощупал веслом дно и осторожно спустил ногу в болотнике за тугой борт. Ничего, встать можно. Пётр Алексеевич подтянул лодку так, чтобы зашла в гущину целиком, с кормой, потом прикрыл камышом со всех сторон, оставив *прогляды* на заводь, после чего удовлетворённо уселся на доску скамьи.

Ружьё положил на колени, нащупал в кармане куртки фляжку с коньяком, поудобнее поддёрнул патронташ, из другого кармана достал манки – на утку и гуся – и повесил их на шею. Всё – готов.

Подсадная в меркнушем свете уже завела монотонный утиный запев.

Селезень налетел, когда солнце ещё не закатилось. Позво-

лив ему с шумом сесть на воду, Пётр Алексеевич ударил из нижнего ствола – дробь рассыпалась по воде, зацепив селезню зад и выбив из хвоста перо. Он дёрнулся в сторону, распахнул крылья, но вторым выстрелом, выцеливая так, чтобы не задеть ни подсадную, ни чучела, Пётр Алексеевич его положил. Пришлось выбираться из камышей за добычей, а потом снова прятать лодку в гущину.

Небо на востоке потемнело, запад озаряла акварельная, уже не слепящая розовая полоса, высвеченная упавшим за горизонт солнцем, ближе к зениту её сменяла густеющая синь, на фоне которой чернели растянутые цепочкой брызги облаков. Похолодало – пару раз Пётр Алексеевич приложился к фляжке. Подсадная голосила без устали, а когда всё же переводила дух, Пётр Алексеевич кричал за неё, поднося к губам манок. Поначалу дул и в гусиный, но вскоре перестал: гуся на озере определённо не было – ни резкого клика с воды, ни поднебесного хора пролетающего клина. Да и утка не баловала – за час на озере в разных концах громынуло выстрелов шесть-семь, не больше.

Показались два селезня, пошли, снижаясь, по дуге к заводи, однако повернули, передумав садиться. Пётр Алексеевич пальнул дублетом в угон, но то ли промазал, то ли на излёте не достала дробь. Зато обрадовала лебединая стая – примерно дюжина белых красавцев, вытянув шеи, пронеслась прямо у него над головой так низко, что был слышен тугой свист махового пера. Сели где-то за камышом, на чистой воде – с

засидки не увидеть.

Пётр Алексеевич прислушивался к отдалённым птичьим крикам, всплескам воды – кормился в озёрной траве карась и линь, – переводил взгляд с гаснущего горизонта на нежно подсвеченный бледно-алым бок высокого облака, невесть откуда выкатившегося на западную окраину неба, и изредка прикладывался к фляжке, согревая стынущую под ночным дыханием весны кровь. Его охватило благостное умиротворение, захотелось раз и навсегда опростить свою жизнь, вычеркнуть лишнее, сделать её подвластной распорядку природных перемен и ничему иному, забыть суету будней и отринуть пути пустой, имеющей ценность лишь внутри своего пузыря городской тщеты. Но состояние счастливой созерцательности, в которое он погрузился, не предполагало никаких усилий во исполнение желаний. Вот если бы случилось всё само собой, не требуя от него твёрдых решений, внутренних усилий и бесповоротных действий, вот бы тогда... Бац, и вовек отныне – радостная полнота и осмысленное единство с этой гаснущей зарёй, облаком, плеском плавника в камышах, и растворение во всём, и погружение в блаженство... Вот было б счастье! Такое с Петром Алексеевичем случалось и прежде. Разумеется, всё заканчивалось возвращением в кабалу текущих дел, мелочных самоутверждений, мечтаний о перемене участи и власти над обстоятельствами, которые (мечтания), увы, обещали в остатке лишь тоску о несбывшемся.

Когда стемнело так, что чучела и впусую покрывающая подсадная стали едва различимы, Пётр Алексеевич вытолкал веслом лодку из камышей и принялся собирать пластмассовых кукол, сматывая на предусмотренные под их брюхом зацепы бечёвки с грузилами. Следом затолкал в коробку отбивающуюся подсадную.

Вокруг было черно – всплывший на звёздное небо месяц едва высекал из воды блики: рассчитывать на то, что он озарит поднебесный простор, не приходилось. Пётр Алексеевич позвонил Цукатову. «Уже возвращаюсь», – сообщил тот.

Не столько видя береговую стену камыша, сколько ощущая её каким-то дремучим, но не безошибочным, чутьём, Пётр Алексеевич погрёб вдоль берега лицом вперёд, благо тупорылая резиновая лодка одинаково легко шла в обе стороны. Несколько раз влетал в заросли и путался в траве веслом. Наконец обогнул мыс и увидел метрах в пятидесяти свет фонаря. Достал из кармана свой, зажёл и направил луч на огонёк. Это был Цукатов на плоскодонке. Пётр Алексеевич поспешил к нему.

Оказалось, у профессора проблема: он уже минут десять искал проход в тростнике к лодочной привязи, возле которой они оставили на берегу машину, и не находил. Стали светить в два фонаря – повсюду, вырванная из темноты, виднелась сплошная стена тростника. Какое-то время рыскали вдоль неё – безрезультатно. Наконец Петра Алексеевича осенило.

– Мне на резинке не встать, – сказал он Цукатову. – По-

свети поверх зарослей – машина блеснёт.

Цукатов так и сделал – встал и широко мазнул по берегу лучом. Вдали сверкнуло лобовое стекло. Выяснилось, они ищут не там – проход метрах в тридцати левее. Туда они тоже совались, но ночью в свете фонаря всё выглядит совсем иначе, чем днём, и проход потерялся в отбрасываемых лучом, ползучих и шевелящихся тенях.

Плоскодонку, продев цепь в уключины вёсел, примкнули к столбу со скобой. Чтобы не возиться утром с насосом, резинку сдувать не стали – примотали страховочной тесьмой и скотчем на крыше к перекладинам багажника. Одну за другой – довольно грубо – Цукатов бросил коробки с подсадными на заднее сиденье.

– Ты к ним совсем без уважения, – заметил Пётр Алексеевич, спуская до колен отвороты болотников.

– За что ж их уважать? – Цукатов переобувался в замшевые ботинки. – Они же селезней на смерть выкрикивают.

– Ты ведь не селезень. – Пётр Алексеевич сел в машину. – Для тебя стараются.

– Знаешь, как охотники подсадных зовут?

– Как?

– Катями. – Профессор запустил двигатель.

– Как-как?

– Ну, кати, катеньки...

– Почему?

– А вот послушай. – Цукатов врубил дальний свет. – Од-

ну из лучших пород подсадных, самых голосистых, вывели в своё время в городе Семёнове Нижегородской губернии. Давно дело было, ещё до исторического материализма. По тем временам в Нижнем проституток Катями звали. Ну, как в Турции сегодня всех русских девушек – Наташами. Сообразил? Оттуда и повелось.

– Что ж тут соображать. – Пётр Алексеевич почесал щечину. – Не уважаешь, значит, проституток...

Ехали медленно, Цукатов внимательно оглядывал путь – хоть фары и выхватывали из темноты дорогу, но та на подъезде к озеру в паре нехороших мест расползлась, так что недолго было и увязнуть. Днём хорошо были видны обходы, а теперь... И точно – в одной раскисшей колее едва не сели. Побуксовали, однако ничего – на понижающей враскачку выбрались.

Пал Палыч бодрствовал, все остальные в доме спали – время перевалило за полночь. Так получилось: долго ехали из Михалкина – парусила лодка на крыше. Когда Цукатов и Пётр Алексеевич, разгрузившись и переодевшись, зашли в кухню, на плите в большой сковороде уже скворчала картошка со свиной, а на столе среди Нининых овощных заготовок, сырных, колбасных и мясных нарезок стояла бутылка ледяной водки – из тех, что привёз Пётр Алексеевич и предусмотрительно схоронил в морозильнике.

– Надо уток ощипать, – сказал профессор. – Утром неко-

гда будет – поедем на зорьку.

– Много? – Пал Палыч щедрыми ломтями нарезал душистую буханку.

– Три штуки. – Цукатов в детском нетерпении взял со стола и сунул в рот ломтик сыра.

«Ребездók», – щёлкнуло в голове Петра Алексеевича местное словечко – так называли здесь дольку сала, мяса, колбасы или чего-то иного, отрезанную предельно тонко, чтобы разом положить в рот, где та растает.

– А ня берите в голову, – махнул ножом Пал Палыч. – Завтра Нина ошиплет.

– Нам Нина за лебеда так ошиплет, что не приведи господи – дуй не горюй. – Пётр Алексеевич поднял глаза к потолку. – С нами крестная сила!

Пал Палыч задумался.

– Может, отойдёт, – сказал неуверенно. – А может, и бронбойным шарахнет в башню. Вот тоже! – В шутливом негодовании Пал Палыч бросил нож. – Давайте наливайте. – Вскочив, он водрузил на подставку в центр стола дымящуюся сковороду.

– Я смотрю, у вас тут с лебедями строго. – Зевота ломала Цукатову челюсти.

– Это у Нины особое дело – ей за лебедей больно... – Вдаваться в детали Пал Палыч не стал.

– В гневе женщины подобны бурлящему Везувию, – сообщил Пётр Алексеевич, отворяя заиндевелую бутылку. – И

это сравнение делает вулкану честь.

Выпили и накинулись на горячую картошку со свиной – аппетит нагуляли изрядный.

После второй Пётр Алексеевич вспомнил про косуль на поле.

– А все звери из лесу, – откликнулся Пал Палыч, – козы, лисы, зайцы... да и птицы тоже – все ближе к деревьям жмутся. То ли пропитание, то ли общение у них какое или что – тянет их к людям. Нам ня понять.

Утолив голод, размякли.

– Отслужил год, и на меня командир батальона дал приказ – в отпуск. За хорошую службу. – После третьей рюмки Пал Палыч погрузился в воспоминания. – А со мной служил сержант – азербайджанец. И начальник штаба тоже азербайджанец – Абдулаев. Такой человек, как уголь – ня обожжёт, так замарает. Ну, он там, в штабе, и поменял фамилии с моей на его. И мне ня дали отпуск, дали ему. Повезло так. Прошла неделя, может, две – вызывает меня командир роты, говорит: так и так, бабушка у тебя умерла, вот теляграмма. А бабушка считалась дальний родственник, ня близкий. Близкий – родители да братья-сёстры. На похороны к ней ня отпускали. Но я тебя, ротный говорит, за хорошую службу могу отпустить на десять суток – только за свой счёт, потому что какие деньги были, все на отпускников потратили. Поехал без денег – мальные скинулись. Прибыл домой, а тут отец слёг – сердце. Давай, говорит, попрашаем – больше ня увидимся.

Уехал, так больше отца и ня видал. Как вернулся в часть, телеграмма – помёр отец. Я выезжаю. Так вот два раза в отпуске и побывал. – Пал Палыч закинул руки на затылок и потянулся. – Дисциплинированный был – после армии на «Объективе», заводе нашем, у бригадира разрешение спрашивал в туалет сходить. Надо мной смеялись. Как привык в армии, так и тут...

После четвёртой отправились спать – через три часа Петру Алексеевичу и Цукатову надо было вставать, если хотели успеть на зорьку. Что до Пал Палыча, то он и вовсе никогда не выходил за меру.

Действительность, запущенная с клавиши «пауза», всегда врывается внезапно, будто обрушивается из ничем, казалось, не грозящей пустоты. Даже если обрушившееся – тишина.

Первое, что увидел Пётр Алексеевич, открыв глаза, – на чертанную солнцем на стене геометрическую фигуру. Такой покосившийся, чуть сплюснутый с боков квадрат, без прямых углов, но с параллельными сторонами. Он знал, как называется эта фигура, но даже произнесённое мысленно название так вычурно, церемонно и неорганично обстоятельствам плясало в разболтанных сочленениях, что он предпочёл изгнать вертящееся и подскакивающее слово из головы. «Проспали», – догадался Пётр Алексеевич.

В комнату вошёл Цукатов, руки его были по локоть в пуху.

– Кишки заспиртовал? – участливо поинтересовался Пётр Алексеевич.

Профессор с привычным видом превосходства усмехнулся:

– Вставай. Поехали. Ключ надо отдать.

Он говорил, будто катал по сукну костяные шары.

Нина к завтраку не вышла – в кухне хозяйствовал Пал Палыч.

– Вы дом не продавайте, – сказал Пётр Алексеевич. – Ни сами, ни детям не позволяйте. Это ж, Пал Палыч, родовое гнездо и детям вашим и внукам. А родовое гнездо продавать – последнее дело.

– Я даже ня спорю с вам. – Пал Палыч врубил электрический чайник. – Даже запятую нигде поставить ня могу. Я ведь понимаю, что буду слабеть. Как совсем ослабну, тогда зятю и доче скажу: мудохайтесь – вот вам мой дом, делайте, что хотите, а я – только рыбалка да охота. Понимаете, замысел какой, чтоб к дому их привлечь? А там уж как у них получится. Надо отдавать им борозды правления, чтобы ня по кабакам ходили, а – вот вам родовое имение, гните спину. Так что продавать ничего ня позволю – так, хитрю. – Пал Палыч нацелил на Петра Алексеевича большой крепкий нос и уточнил: – Это хитрость в хорошем плане, ня та, которая чтоб обмануть человека, а умная. Они – тут, а я смогу и в их доме – хоть сторожем. А что? Пистолет с зямли выкопаю и буду с им спать. Сила-то заканчивается – только на курок

нажать...

Про то, что сила у него заканчивается, Пал Палыч лукавил – мог трактор из болота вытолкать.

Через полчаса, наскоро перекусив, Пётр Алексеевич и Цукатов сдули и упаковали лодку, погрузили *катенек* в машину и отправились к рыжему староверу. Тут же и ружья: решили прогуляться с Бросом по берегу Михалкинского озера – вдруг из травы поднимется утка, – а то и обследовать те озерца между Теляково и Прусами, на которые вчера не хватило времени.

Утро выдалось ясное, кругом разливалось весеннее нетомящее тепло. Цукатов досадовал, что проспали зорьку. В тон ему вздыхал и Пётр Алексеевич – огорчился без фальши, но вместе с тем был умиротворён и рад, что выспался. «Должно быть, – думал Пётр Алексеевич, – я по натуре не законченный охотник, как Пал Палыч и Цукатов, не одержимый тип, а так, любитель – на половинку серединка...» Впрочем, повода для печали он тут не находил: Пётр Алексеевич привык принимать жизнь такой, какая она есть, во всём её несовершенстве – не запрашивал от неё большего, чем она могла дать, и чутко понимал, где человеку следует в своей требовательности остановиться.

На этот раз ворота на двор Андрея были закрыты.

Только вышли из машины, как тут же у калитки явился и хозяин.

– Смотрю, упустили зорьку. – Андрей взял из рук Цука-

това ключ от лодочного замка.

– Засиделись за полночь, – сказал Цукатов. – Даже будильник не слышали. Ничего, по берегу пройдемся – не возьмём никого, так хоть издали посмотрим. – Профессор открыл заднюю дверь салона и достал коробку с подсадными. – Вот, держите. Голосят, как серафимы в Царствии Небесном.

– Спасай вас Бог. – Хозяин степенно качнул рыжей бородой и принял коробку.

– А гуся на вечёрке не было, – с напускным укором сказал Пётр Алексеевич. – И утки – негусто. Небось сами всех уже пощёлкали.

– Какое – мы ещё не приступали, – щуря лукавые глаза, спокойно отвечивал Андрей. – Знать, днём снялись. Им до гнездовой ещё махать не намахаться...

Над озером выгибался голубой купол с белёсым пушком по горизонту, в котором тонули дали; ветер притих в небесной узде – не поднимал ряби и не гонял волной сухие травы. На чистой воде ближе к камышовым островкам сидели утиные и лебединые стада. Их Цукатов подробно изучил через окуляры бинокля. Наконец, подтянув болотники до паха, в сопровождении неугомонно рыскающего в высокой траве Броса отправились вдоль берега по заливному, покрытому высокими кочками лугу, так по весне и не дождавшемуся половодья, налево – в те края, где вчера болтался на резинке Пётр Алексеевич.

Шли по кромке; земля между кочками была сыра и ме-

стами чавкала под сапогом. Зайдя за мыс, увидели на глади заводи стайку в десяток уток и двух белых кликунов. До них было метров сто или немного больше, но и Цукатов, и Пётр Алексеевич разом машинально присели в траву шагах в четырёх друг от друга. Утка сидела спокойно, не заметив или не обратив внимания на появившиеся и тут же исчезнувшие фигуры.

– Сейчас попробую спугнуть, – приглушённо сказал профессор. – Будь наготове, если в нашу сторону махнут.

Отведя ключ, он откинул стволы, вынул из правого патрон с пятёркой, поискал в патронташе и достал другой – с резиновой пулей. Пётр Алексеевич никогда не пользовался такими зарядами, поэтому смотрел на манипуляции Цукатова с живым интересом. Защёлкнув стволы, профессор некоторое время примерялся, производя в голове баллистические расчёты, потом гаубичным навесом, градусов под тридцать, выстрелил в сторону утиной стаи. Не дожидаясь результата, он мигом перезарядил правый ствол, вложив в патронник прежнюю пятёрку.

Резиновая пуля между тем, перелетев на несколько метров лебедей и уток, смачно шлёпнулась в воду. Напуганные ударом выстрела, птицы шарахнулись было от берега, но, сбитые с толку близким шлепком, побежали по глади в сторону от упавшей пули, и, встав на крыло, сначала утки, а следом и лебеди пошли по дуге на берег, намереваясь развернуться и уйти подальше на озеро.

Когда утки начали отворачивать, их уже можно было достать выстрелом, а кликуны и вовсе, то ли от горделивой беспечности, то ли в зловещей решимости, двигали метрах в пятнадцати над землёй прямо на сидевших в сухой прошлогодней траве кочкарника охотников. Пётр Алексеевич выцелил селезня, но Цукатов опередил – выстрел ударил в ухо Петру Алексеевичу так звонко и резко, что он невольно дрогнул, потерял цель, а через миг бить по уткам в угон уже не имело смысла. Лебеди тоже взмыли в небо, заложили полукруг и ушли далеко на открытую воду.

В ушах Петра Алексеевича стоял протяжный, застывший на одной ноте колокольный гул. Он бросил взгляд на Цукатова – тот, поднявшись в полный рост, оторопело смотрел на ружьё, будто держал в руках невесть как попавшую к нему гремучую змею. Пётр Алексеевич шагнул к профессору – правый ствол его ружья недалеко от казённой части был разворочен, воронёная сталь, ошетинаясь, раскрылась рваной раной. При этом лицо Цукатова и руки были целы.

– Ого! – Пётр Алексеевич присвистнул. – Да ты в рубашке уродился!

– Вот чёрт дери... – Цукатов бледно улыбнулся. – Конец охоте.

– Чудила! Могло быть хуже. Я ж тебя предупреждал. Помнишь, Пал Палыч говорил? Может, говорил, отойдёт, а может, бронбойным шарахнет в башню.

– И что? – Цукатов, похоже, всё ещё был под впечатлени-

ем события и не понимал слов Петра Алексеевича.

– Да ничего. Шарахнуло.

Спустя неделю профессор по телефону сообщил Петру Алексеевичу, что в деталях изучил вопрос, поговорил с матёрыми охотниками и выяснил, в чём дело: резиновая пуля, скорей всего, оказалась либо бракованной, либо просто старой – резина размазалась по стенкам канала ствола, отчего при следующем выстреле дробь спрессовалась и в стволе заклинила. Пётр Алексеевич, придерживая телефон у уха, со скептической улыбкой размеренно кивал обстоятельному рассказу. Какая пуля? Что за чепуха? Не надо было Цукатову показывать хозяйке лебедя. Ни в коем случае не надо.

3. Здравствуй, Саня

Сидя на крепком пеньке возле невысокой могильной ограды, Пал Палыч наблюдал за воздушной атакой сорок: с треском носясь кругами над кладбищем, распуская веером крылья и ромбом хвосты, изящно лавируя между деревьями, они прицельно гадили бегущему по тропинке Гаруну в глаза. Впрочем, несмотря на искроплённую белёсым помётом морду, тот не сдавался, не разжимал зубы и держал в пасти мёртвого птенца только крепче – добыча. Пал Палыч извлёк вывод: птица, если захочет, может точно запустить своё дерьмо даже в бегущую цель.

За пару часов до того, решив прогулять засидевшегося в тесном вольере пса, он вывез Гаруна в лес. Жена при сборах то и дело придумывала Пал Палычу дела, поэтому в суете он позабыл бросить в машину ружьё на случай, если по пути в ручье или мочиле⁵ встретится утка. Однако собака так обрадовалась возможности порезвиться на просторе, так залиристо лаяла и от счастья вязала такие замысловатые петли, что досада при мысли о забытом ружье рассосалась сама собой, излеченная ликованием поджарого питомца с завитым баранкой хвостом.

После леса в очереди стояла Сторбжня – там, на кладбище

⁵ *Мочило* – яма, канава, карьер, речная старица, заполненная водой в распутицу или после дождей (*пск.*).

опустевшего села, в котором осталась лишь пара жилых домов, возле древней, бревенчатой, изрядно обветшалой церкви Воскресения Христова с полуосыпавшейся дощатой обшивкой, заколоченными листами ржавой жести окнами и руинами восьмигранной колокольни (зачем восстанавливать, если нет прихода?), были могилы, которые он проведывал по долгу памяти. Сейчас, повидавав траву на очерченной чёрными и посеребрёнными оградками земле и обмахнув прихваченным веником бетонные надгробные раковины на трёх делянках этой *боженивки*, он присел перевести дух возле последней. Многие могилы на кладбище выглядели ухоженнее домов на сельской улице – те, пустые, как кенотафы, в отличие от пристанищ погоста, доживали свой век без присмотра, красуясь, точно нищие на паперти увечьями, просевшими крышами и зарастая до стрехи крапивой и сиренью.

С эмалевого овала, прикрепленного проволокой к кресту, нарочито серьёзно смотрел на мир из небытия Саня Мимоходов. Пал Палыч был на два года моложе – Саня дружил с его старшим братом Валерием, вместе они поступили в Себежский сельскохозяйственный техникум, прозванный в народе «кукурузой», куда потом направил стопы и Пал Палыч. В наследство ему досталась квартира, которую Саня и Валерка снимали на двоих во время учёбы у строгой, но отходчивой тётки Агафьи. В эту квартиру Пал Палыч тоже заселился на пару с тогдашним своим приятелем – сухоруким Мишкой Кудрявцевым. Эх, были времена... Да что, собственно,

за времена такие? Ничего особенного. Юность глупа, жестока, неблагоприятна и подневольна – каждый шаг с оглядкой на ближний круг: оценят или нет, оттопырят восторженно на кулаке большой палец или небрежно отмахнутся? У неё перед зрелостью лишь одно преимущество – то, что она юность, обитель надежд. И нет других.

Сразу после техникума Саню призвали в армию, а Валерий, не пройдя комиссию по зрению, загулял, пустился во все тяжкие, сбитый с толку свалившейся на него свободой взрослой жизни, и потерялся на сельскохозяйственных просторах области. Чувствуя вину за брата, позабывшего обязательства дружбы, Пал Палыч писал Сане по месту службы письма, поддерживал скудным ученическим рублём и подробно рассказывал – кто, где, как...

* * *

Добрый день, а может, вечер!

Здравствуй, товарищ учащийся!

Письмо я твоё получил и сразу же, пока есть свободное время, даю ответ. Ну что тебе написать? Служба моя в учебке идёт нормально, особых новостей в жизни нету, приключений тоже. Без малого три месяца уже позади. Гоняют, правда, безбожно, но это всё ерунда. Вот только скучновато порой. Особенно вечером: выйдешь на улицу, погода – хоть стреляйся, только девок кадрить. А здесь хрен покад-

ришь. Иной раз, бывает, принять стаканчик охота, да негде взять. С июля начнут пускать в увольнение, тогда можно будет. Ты там, наверно, поддаёшь каждый день... Шучу. Знаю, что не падок.

Два дня назад получил письмо от Гальки – она написала, что на Берёзке не была, а ты пишешь, что разговаривал с ней на Берёзке. Выходит, плузует? Ты, Паша, приглядывай за ней. Только грани не переходи. И передай ей огромный привет. И вообще – пиши мне все новости, не ленись. Особенно про Гальку.

Теперь суббота, сегодня у вас вечер в техникуме – это мне Галька сообщила. Давай гуляй, не теряйся, а то в армию пойдёшь – здесь каюк. Я вот тоже временами жалею, что гулял, да мало. Особенно по субботам – сидишь вечером, тоска, так на гражданку и тянет.

Валерик, братишка твой, пишешь, так загудел, что пропал с радаров. Нормально. Как он говорит: «Пьёшь, значит силу чувствуешь». Это вроде из Некрасова... А он что, больше в Себеж не приезжал? Наверное, нашёл себе где-то зазнобу и тешитя... Его, должно быть, совсем в армию не возьмут – везучий. А ты небось не отвертишься. Мне здесь ребята сказали: кто из сельскохозяйственных техникумов идёт в армию, обычно попадает сначала в учебку, а там первое время тебя имеют как следует. Так что готовься в учебное подразделение.

Паша, а как так вышло, что ты опять на права не сдал?

Высылаю тебе свою фотку, а то сфотографировался, да здесь хранить много фоток не разрешают – надо куда-то девать.

Мне часто пишет Наташка из Ленинграда, до её дома отсюда, из Осиновой Рощи, совсем недалеко – двадцать минут на электричке. Сейчас она сдаёт экзамены, после обещала приехать. Вот такова моя жизнь.

На этом писать кончаю – всё рассказал, больше нечего. Паша, на тебя надеюсь – пиши всё, что там нового в Себе-же.

До свидания. Жду твоего письма.

Саня

Салют из Ленинграда!

Паша, здравствуй! С горячим армейским приветом к тебе – Саня.

Письмо я твоё получил, за которое большое спасибо. Делать сейчас нечего на занятиях, да и неохота заниматься – вот и решил написать тебе ответ. Время летит ужасно быстро. Остался последний месяц учебки – в октябре экзамены сдадим и трендец на этом. Здесь меня не оставят, скорее всего, отправят за границу – что-то из трёх: ГДР, Венгрия или Польша. Сейчас уже намного легче стало, чем сначала, – есть возможность и посачковать...

Ну что тебе написать? Служба идёт нормально, пять месяцев уже позади – совсем немного, и будет полгода. Ещё

три раза по столько – и можно домой на дембель собирать-
ся. Не завидую я Валерику, если он всё же в армию пойдёт:
первые полгода трудновато.

Только что принесли почту – от Гальки письмо получил.
Тож же вот надо ответить... Пишут ещё девчонки: Зоя Ива-
нова, Юлька Гнутова, Тамарка Скопцова, ну и, естественно,
подруга ленинградская не забывает. В общем, время идёт –
зашибись. Иногда приходится зелёного змия хватить – вот
собираемся теперь перед отъездом сабантуй устроить.

Паша, а как вы там на квартире живёте? Не повезло
вам со счётчиком. Вот когда мы жили, всё нормально бы-
ло. Сдал ли ты на права мотоциклиста? Много ли девчонок
поступило в этом году в техникум? Давай подыскивай для
меня... После армии приду, они ещё учиться будут – тогда
познакомишь. Где ты был на практике в сентябре? Как там
Валерик? Я ему письмо написал, он так и не ответил. Или,
может, не получил. Галька мне пишет, она была в строй-
отряде под Идрицей – понравилось.

Ну, у меня пока всё. Пиши теперь ты. Только пиши по-
быстрее, чтобы письмо меня здесь захватило. Нас будут
отправлять отсюда числа восьмого октября.

Пока.

Саня

Добрый день, а может, час!

Паша, здравствуй!

Письмо я твоё получил и сразу же даю ответ. Ты пишешь, что на седьмое ноября поедешь в Ленинград. Очень жаль, но на седьмое меня уже здесь не будет. Тут осталась мне ровно неделя – девятого октября ждём отправки за границу. Так что, Паша, сюда мне больше не пиши. Куда попаду – после тебе черкну. Сейчас мы уже сдаём экзамены. Сегодня сдали первый экзамен по физической подготовке: подтягивание, подъём с переворотом, прыжки через козла, вольные упражнения, стометровку и тысячеметровку. Сдали нормально – у меня три пятёрки и три четвёрки. Теперь ещё четыре экзамена и – сержант. Я уже себе значки заготовил. Перед отъездом собираемся отметить так называемый «малый дембель». В общем, Паша, пойдём на срочную, узнаешь сам, что это такое. На гражданке я армию представлял совсем иначе...

Ты спрашиваешь, как у меня обстоят дела с ленинградской Наташкой? Всё зашибись. Паша, а откуда Галька узнала, что у меня здесь, в Ленинграде, есть девчонка? Не ты ли сболтнул? Смотри... И как там Галька? Часто ли видишь её? Гуляет ли она с кем в Себеже? Обо всём распиши мне.

А Юрка Матвеев, значит, совсем до ручки дошёл. Ну, ему не бывать на воле – точно в тюрьму попадёт. А ты, стало быть, спортом серьёзно занялся? Нормально. Тебе будет легко в армии насчёт спорта. Нам сначала трудно было привыкать к бегу, а сейчас пообвыкли – по километру, а то

и по три каждый день бегаем. Ноги уже накачали что надо. Паша, раз на права сдал, теперь покупай мотоцикл и катай баб. Я-то после армии точно себе «Яву» возьму.

Ну, вроде всё написал. Пиши ты – после, когда получишь моё письмо из-за границы. А пока – до свидания.

Саня

Увидишь Гальку, передавай ей огромный привет. Она же теперь на квартире живёт. Ты там смотри, не балуй!

Добрый день, а может, вечер!

Паша, здравствуй! Горячий армейский привет гражданским.

Делать совершенно нечего – сидим, ждём отправки. Решил написать тебе письмо. Экзамены мы сдали нормально, получили все сержантов, но тут немного опрохвостились. Как лычки вручили, решили отметить это дело – ну и попались офицерам. Вот по одной лычке и сняли – были сержантами, а стали младшими сержантами. Это, конечно, ерунда – могли до рядовых сразу...

Отправляют нас сегодня ночью самолётом в Германию. Не хотелось бы за границу, но ничего не поделаешь, придётся. Сейчас борзеем по-страшному: сержантов своих на три буквы посылаем – старые счёты сводим помаленьку. Как говорится, в армии надо всего попробовать – и хорошего, и плохого. Эх, ребята, несладко будет вам, если кто из вас попадёт в учебку – херовая штука, прямо скажу. Лучшие сразу

в линейку.

Нам сюда послезавтра уже молодых привезут, плохо, что мы улетаем – может, кого земляков встретил бы...

В Германию полетим на самолёте – хоть прокачусь первый раз в жизни! Как бы только в штаны не наделать от страха.

Ну, вроде всё написал. Теперь жди письма из-за границы.

Пока.

Саня

* * *

Сороки всё трещали, не унимались, но боевой помёт у них, по всей видимости, был уже на исходе. Попетляв по кладбищу, Гарун подбежал к Пал Палычу и ткнул его в колено зажатым в зубах птенцом.

– Ня надо мне, – отвёл заляпанную собачью морду в сторону Пал Палыч. – Сябе бери – твоя добыча.

Однако сжалился и, схватив пса за ухо, обтёр ему чёрный лоб и веки на преданных глазах холщовым мешком, в котором привёз веник. Избавившись от позорного гуано, Гарун, не разжимая пасти, скрылся в кустах спиреи, где вскоре затрещал детскими косточками.

Пал Палыч уже не помнил отчётливо всех друзей и подруг из себежской студенческой юности – то время было, словно отлетевший сон, на который память не поставила свои силки.

Вернее, кого-то помнил удивительно ясно, как первый цветной леденец на палочке, а кто-то растаял, оставив на чёрном зеркале прошлого лишь мутный след, точно мазок пальца на спящем экране смартфона. Что уж говорить про события и обстоятельства. Да, случилась какая-то история с электрическим счётчиком тётки Агафьи, мимо которого был пущен обходной провод, позволявший преступно расхищать энергию возбуждённых электронов... Было дело, но что именно произошло – память не удержала.

Брат Валерий после техникума закуролесил, женился, сел *по хулиганке*, вышел, загремел в стройбат, отслужил, снова закуролесил. Теперь остепенился, но как-то нехорошо – словно погас, словно душу вынули. Среди соседей он считался дельным мужиком – попросишь о чём-то, за что ни возьмётся, всё исполнит, пусть и с каким-то настораживающим пугливым усердием, переспрашивая и уточняя. Но посмотришь на него внимательно – и сразу понятно, что он никогда ни за что бы не взялся и ничем бы не заинтересовался, если бы не давили на поселившийся в нём страх. Оставь его в покое, предоставь самому себе, не укажи цель и задачу – руки его вяло опустятся, и он сиднем просидит весь день.

Юрка Матвеев, тоже учившийся в Себеже, отслужил в армии, а вернувшись, сорвался с петель, отсидел срок за кражу, побичевал, помотался *по северам*, после чего вернулся в родные Новосokolьники к семье. Но вернулся какой-то поломанный – уже к шестидесяти впал в детство: каждое утро

собирался в школу, где когда-то его научили, что земля – шар, а коммунизм – молодость мира. По пути в школу Юрка быстро уставал и, отойдя от дома не больше чем на квартал, опускался на землю, сидел так несколько минут, а потом засыпал на траве у забора. Паспорт и другие документы, зачем-то нужные Юрке в школе, у него давно украли. Свою дочь он не узнавал и, когда она меняла ему испачканное бельё, спрашивал: «Кто вы?»

А Галька? Галька, которой Саня вручил своё сердце, хотя и стеснялся прямо признаться в этом? Когда она рассказывала о себе, её детство и юность выглядели как сплошная психическая травма. Возможно, поэтому она никого не могла любить долго. Полюбив, ей как-то сразу становилось ясно, что это дело не стоит усилий – как ни крути, всё равно проиграешь. Но память о любви она сохраняла, чтобы носить образ удостоенных в своём сердце. Пусть даже образ этот не всегда выглядел чисто плотным – что поделатать, любовь, осенявшая её своим крылом, была именно такой – чувственной и нечисто плотной. Зато теперь она – ретивая прихожанка: крестит щи на столе и за любое дело берётся только с благословения приходского батюшки. Логика её проста: Бог – не фраер, его можно полюбить до гроба и не облюбишься. Как-то незаметно она уверилась в том, что, несмотря на чреватые психическими травмами детство и юность, жива она и здорова лишь потому, что силы небесные понимают её с полуслова и все её мольбы, просьбы, претензии не остаются без

внимания, а немедленно принимаются к исполнению. Она решила, что в этом и заключается милосердие Божье: не будь они исполнены, в какое чудовище обратила бы её жизнь, а так она – сама кротость. И раз всё идёт именно так, то нет ничего чрезмерного в том, чтобы встать в храме на колени и самозабвенно предаться горячей молитве. А уж дальше всё произойдёт само собой. Что могла бы она нынешняя написать в письме тому, давнему Саньке? Вот что: «Займись каким-нибудь рукоделием и так отгонишь лукавые помыслы, и учи наизусть что-нибудь из Писания – это ограждает от нашествия бесовского. Кроме того, сторонись праздных бесед, чтобы не слышать и не видеть неподобающего – того, что возбуждает страсти и укрепляет нечистые мысли, – и Бог поможет тебе». Не надо быть духовидцем, чтобы оценить добротность высказывания, которое Саня произнёс бы в ответ.

Да и сам Пал Палыч – тот ли он? В юности, пока не устоялся, он азартно спорил по любому поводу, но результаты прений по большей части его удручали. Не только потому, что он, по меткому слову, был крепок задним умом и самые блистательные доводы находил тогда, когда спор был уже безнадежно закончен, а потому, что трудно и нелепо искать аргументы в пользу того, что самому тебе и так ясно как божий день, хоть ты иной раз и колеблешься. И Пал Палыч спорить перестал. Либо возражал с ленцой, только чтобы поддержать разговор, раззадорить собеседника или обезоружить его, ввергнув в недоумение, – попросту включал ду-

рака. Теперь он не чувствовал ровным счётом никакой необходимости кого-то в чём-то переубеждать, так как не имел нужды в посторонней поддержке своих соображений – они и без того казались ему прочными, так что никому на свете было их не пошатнуть.

И это нормально: таковы люди – меняются и обвыкают во всяком положении. Вот только не все успевают измениться. Тут уже вопрос отпущенного времени – хватает или нет на трансформацию.

* * *

Салют из Германии!

Паша, здравствуй! С горячим армейским приветом к тебе – Саня.

Вот, добрался я до своей воинской части и решил написать тебе письмо. Сегодня седьмое ноября, все в Союзе празднуют, вино пьют, гуляют, а здесь всего лишь выходной. С утра были на встрече дружбы с немцами, носили венки на русско-немецкое кладбище.

Из Ленинграда до Германии мы летели на самолёте Ил-18 на высоте двенадцать километров. Вот где здорово! Мне очень понравилось, да там ещё такая стюардесса – девушка что надо! Летели три часа. Из Ленинграда вылетели, там зима уже была, ветер так и жжёт, а в Германии лето ещё – листья на деревьях зелёные. Здесь вообще, говорят,

зимы не бывает.

Служба идёт своим чередом, через день хожу в караул разводящим. Нормально – спишь целыми сутками, смену отведёшь и – опять спать. Словом, жизнь в порядке. Мне теперь до весны докантоваться, и можно уже к дембелю готовиться, покупать чемодан дембельский. Здесь, в магазине, такие вещи продаются, каких в Союзе не найдёшь. Отсюда дембеля уезжают – всего покупают: рубашки хорошие, брюки, полуботинки, переводок по двести штук набирают, резинок жвательных... Я как-то брал этих жвачек, так надоело жевать – целый день ходишь да жуёшь. Вообще, здесь вещи очень дешёвые. Вот, например, хорошая рубашка стоит тридцать три марки. Если перевести на союзные деньги – рублей двенадцать.

Паша, как ты там поживаешь? Давай гуляй больше – в армии уже не погуляешь! Особенно за границей – ни увольнений, ничего. Пиши, как отметил праздники. Взяли Валерика в армию в осенний призыв или опять отбраковали? Часто ли видишь Гальку? Напиши, гуляет она с кем-нибудь или нет.

С полочки надо будет переводок купить, их тут в каждом магазине навалом – пятнадцать пфеннигов стоит одна переводка.

Ну что, вроде всё написал. Пиши мне, что там нового в Союзе, все-все новости пиши.

Пока. Жду ответа.

Саня

Салют из ГДР!

Паша, здравствуй!

Письмо твоё получил, за которое большое спасибо, но с ответом немного задержался. Пишу тебе прямо из караула. Сейчас пойду в город и, как ты просил, куплю тебе пару переводок. Большое спасибо за рубль в письме – дошёл, не стянули. Наверное, не прощупали. Теперь надо его определить. У меня пять рублей было, так к немцам работать ездили, я там и променял на пятнадцать марок. Вот теперь и рубль надо таким макаром... Здесь очень ценятся советские часы – немцы гоняются за ними, покупают только так за сто, сто двадцать марок. Я мог уже свои загнать, но обожду – после когда-нибудь. А то на каждом шагу пристают: продай да продай. Только сейчас ни к чему их продавать. Где-нибудь к лету, может, – как в отпуск вырвусь, так деньги нужны будут. Про магазины писал уже: здесь такие вещи продаются – в Союзе таких не сыщешь. Рубашки очень хорошие, брюки кримпленовые зашибись... В общем, к дембелю надо будет подзакупить всего. Хотя и далеко ещё до него – целых семнадцать месяцев.

С выпивкой тут строже. Это в Союзе ещё можно было пить в учебке, там частенько поддавали, а здесь водка дорогая: бутылку купить – полполучки выложи. Так лучше потерпеть.

Пришло вчера письмо от девчонок – от Юльки Гнутовой

и Тamarки Скопцовой. От своей ленинградской Наташки тоже уже два письма получил – не забывает. Пока ждёт меня из армии, а что там дальше...

Галька, значит, гуляет уже... А говорила, что дождётся. Веры им – никакой. Позавчера было письмо от неё, пишет, как ни в чём не бывало, мол, ни с кем не крутит. Значит, неправда это? Дай мне знать обязательно... Говоришь, девушек, в техникуме новых много? Давай шерсти их, не стесняйся: через полтора года в армию пойдёшь – тогда уж не придётся. Вот плохо, что ты не выпиваешь хоть немного для смелости, а надо бы... Валерика, значит, в армию не взяли. Это его из-за зрения, наверное. Он теперь совсем от радости запьёт.

Ну, вроде всё написал. Пиши ты, как провёл Новый год, который не за горами, много ли водки выпили... Паша, ты должен пить за себя и за того парня, то есть за меня как за друга – договорились? И с бабами тоже так гулять.

Ну, вот и всё.

Пока. Жду ответа.

Саня

Добрый день, а может, вечер!

Паша, здравствуй! С горячим армейским приветом к тебе – Саня.

Письмо я твоё получил, за которое тебе большое спасибо, и сразу же спешу дать ответ. Во-первых, немного о себе:

служба моя идёт своим чередом, изменений никаких нету, всё по-старому. Погода стоит нормальная – было очень тепло, как летом, сейчас немного похолодало. Пишу письмо из наряда. Сегодня начальником караула поставили.

Вот уже две недели прошли после Нового года. Теперь ещё один Новый год здесь встретить, и конец службе – дембель. Мы тоже здесь отмечали, только без вина – одним лимонадом. Настроение было такое паршивое... Вспомнишь, как дома в эту ночь гуляют, а здесь – хрен. Ладно, не первый день в окопе.

Говоришь, девчата новые пришли зашибись? Познакомь меня там с какой-нибудь с первого курса. Только получше. Пусть напишет – может, какими судьбами вырвусь летом в отпуск, тогда ждите прямо к вам. Как говорится: топи баню, сиськи мой – еду, милая, домой.

Выпиваешь ли ты сейчас или всё так же, как раньше?

Юрку Матвеева, стало быть, в армию забрали. Когда его? Осенью? Выходит, я с армии приду, он ещё служить будет... Валерке повезло – знай гуляй, и никаких хлопот! Он серьёзно жениться надумал? Пашиа, передай ему: пусть меня ждёт из армии. Тогда уже вместе... А так мне и на свадьбе его не удастся стакан поднять!

А Галька, значит, хвостом крутит помаленьку. Чёрт с ней, пусть крутит. На мой век девчонок хватит – после армии все бабы мои будут! А Галька... Хочется, чтобы писала мне сюда какая-нибудь... Пошутил! Уже надоело бабам

на письма отвечать. С Наташкой ленинградской я поругался, сказал ей, чтобы больше не писала. Такие дела... Паши, ты говоришь, что я плохо отзываюсь про Гальку, так это просто так – она пока молодцом, пишет часто. После армии посмотрим как будет: можно погулять маленько, а после жениться. Время, в общем, покажет. Не знаю, как там будет дальше, но пока домой не собираюсь возвращаться после армии – думаю куда-нибудь в заработки податься на пару годиков.

А как ты поживаешь? К службе готовишься? Я вот почти год уже отслужил, самое сложное позади, а тебе предстоит ещё – хлебнёшь. Какие там новости в Себеже? Ходишь ли на вечера в техникум и бывают ли они? Ведь без малого девять месяцев уже не был... И знаешь, домой как-то не тянет совсем... Вот на гражданке погулял бы!

Ну, вроде всё написал. Хотел выслать тебе, вслед тем, что уже выслал, переводок, да ничего не выйдет – командир дивизии запретил высылать.

Передай привет, если ты её не забыл, Светке Горелке со второго курса, с которой я гулял. Тоже потаскуха сейчас, наверное, знатная.

У меня пока всё.

Пиши – жду ответа.

Саня

В отрадном покое, какой нисходит на посетителей пустынных кладбищ летним днём в хорошую погоду, Пал Палыч оглядывал округу, пронизанную солнечным огнём и окутанную милосердной тенью деревьев. Он не думал, не пытался плести мысль – лишь вспоминал, грезил и чувствовал.

Присланные Саней из Германии переводные картинки Пал Палыч лепил на свой мотоцикл – был такой писк в те годы, это он помнил хорошо. А излишек всегда можно было продать, обменять, подарить... В техникуме яркие *переводки* ходили, как валюта: неотразимые блондинки, огненные брюнетки, декольтированные, навывкате, груди, оттопыренные тугие зады – эталонные образы вожеления. Эти соблазнительные красотки ценились необычайно. Их наклеивали на бензобаки мопедов и мотоциклов, на обложки дневников, на деки гитар, на портфели и ранцы – таковы в те годы были представления о прекрасном.

Пал Палыч вздохнул – потревоженное былое глухо ворочалось за спиной, в тёмных глубинах минувших лет. Оно казалось живым и тёплым, но его было не жаль: молодость – это суета, ненужная торопливость, избыток движений и жестов в стремлении не упустить что-то существенное, важное – но что? Что именно? Жизнь? Судьбу? Так известно: покорного судьба ведёт, строптивного тащит за шкуру.

И кто такая Юлька Гнутова? Перед глазами из небытия всплыл образ девицы, которая никак не может отделаться от школьной привычки таращить глаза, изображая на лице движение мысли и готовность к ответу, – так быстрее отстанут и вцепятся в кого-то более боязливого.

Гаруна не было видно – то ли сидел в кустах с облепленной пухом и перьями мордой, то ли убежал в другой конец кладбища в неутомимом стремлении обнюхать и обрызгать весь мир.

Сороки угомонились, скорбно смирившись с потерей птенца. Зато подал хрипловатый голос токующий вяхирь: гугу-гу-эх-ху... Воркование птицы было настойчивым, звучным, рокочущим. Первый выводок у вяхиря в мае, второй, если случится, – в середине лета. Сейчас птица токовала не в срок.

Эх, Саня... Известно, больные и сторожа – читатели поневоле. Каких только бессмысленных книг и журналов не проглатывают люди, пока их пространство ограничивается пределами больничной палаты или сторожевой каморки с видом на стройплощадку, овощебазу либо склад металлопроката. В этом ключе казарма – невольный приют эротических фантазий, нанизываемых на гормональный пик, словно свинина на шампур. Грешные прелести себежской жизни, которые Пал Палыч описывал в письмах, по большей части были игрой воображения, нежели реальными доблестями, но Саня принимал всё за чистую монету, полагая, что именно так,

сложенная из легко достижимых соблазнов, пружинящая валом, как тесто из квашни, и выглядит вожаденная *гражданка*. В вынужденной изоляции фантазии всегда берут верх над печальным знанием. Пал Палыч писал, что танцевал на вечере в техникуме с прелестной первокурсницей, а Сане, дошедшему в своём мужском одиночестве до того состояния, когда все девушки кажутся прелестными, мнилось, что это он сам под неторопливую музыку обнимает нечто тёплое и податливое и рука его уже до того втёрлась в доверие к партнёрше, что со спины проследовала лодочкой на грудь и совершает там такое движение, будто протирает тряпкой автомобильную фару... Счастье – это то, каким ты его представляешь.

Когда-то, в покрытые туманом полузабвения времена, таким оно виделось и Пал Палычу. Однако теперь он понимал счастье как покой на душе и ощущение здорового тела, тождественное его, этого тела, отсутствию. Ничего не попишешь – рано или поздно наступает час, когда всё на свете превращается в тыкву.

* * *

Салют из Германии!

Паша, здравствуй!

Письмо я твой получил, за которое большое спасибо, но с ответом немного задержался. Дело в том, что мы две недели были на учениях. Служба моя идёт по-прежнему, изме-

нений в жизни мало. Не то что у вас – вечеринки да гулянки... А здесь служи и только втык получай от офицеров и прапорщиков. Ну ничего, через годик и тебе такая участь предстоит – я домой пойду, а ты на срочную.

Сейчас, когда учения, вообще незаметно, как дни летят. Только в караул приезжаем в город – в неделю раз. Так будет всё лето – в палатках в лесу будем сидеть, как партизаны. Осенью намечаются большие Варшавские учения, вот мы и готовимся. Ведь Варшавские учения только раз в пять лет бывают.

А Валерика, значит, окончательно не взяли в армию, завернули вчистую. Счастливый, отвертелся: такого в ступу посади – пестом не попадёшь! А Вальку Воробьёва на флот? Угодил! На гражданке, помнится, всё тельник носил – теперь-то за три года надоест.

Да... Мне бы к вам – давно я уже с девушками не развлекался. За два года вообще можно отвыкнуть от девчонок. Я и так уже за эти месяцы забыл, как с ними обращаться. Светка Горелка мне письмо написала, всё-таки решилась. Блудует, значит, она там? А как моя Галька? Погуливает с мальчиками или нет? Она, случайно, не с тобой в стройотряде? Паша, ты не постычайся там, не теряйся. Девчонок, говоришь, в отряде много, так не упусти момента – шерсти и за меня, как договаривались: за того парня! Водку хоть пить научился или ещё нет? Всё так и сидишь в сторонке?

Погода стоит хорошая – здесь уже почти лето, хотя ап-

рель только. Немцы сев закончили.

Как там у вас погода?

На этом писать кончаю. Пиши ты про все новости, как студенческая жизнь идёт, ходишь ли на танцы – ведь столько девчонок, есть где развернуться, выбирай на вкус!

Пока. Жду ответа.

Саня

Добрый день, а может, час!

Паша, здравствуй!

Письма я от тебя пока не получал, решил написать ещё одно, раз образовался случай. Что это ты – обленел совсем или девчонки прохода не дают?

Служба моя идёт нормально, сдали недавно проверку за зимний период обучения. Всё на отлично. Мне пока второй класс дали, а там дальше ещё поощрения будут. Сейчас вот зачастил в караул – начальником. Надоело уже – два месяца через день в карауле. Теперь, наверное, до самого дембеля так. Молодых подогнали на днях, и все арабы, ни одного русского нету, все национальности: грузины, армяне, туркмены, киргизы, азербайджанцы – хотя бы одного земляка...

Погода стоит зашибись – такая жарница, даже на улице неохота выходить. Здесь уже купаются вовсю. Сегодня воскресенье, мы в карауле сачкуем. У немцев сегодня отмечают Паску⁶, так что народа в городе полно, особенно дев-

⁶ Паска (Пастка) – так на псковских диалектах называют праздник Пасхи.

чонок. Ребята стоят на посту, подойдёт парочка и под самым носом сосутся – только смущают. В Союзе среди бела дня такой не увидишь срамоты, чего здесь творят.

Я уже половину службы отпахал, теперь ерунда – последний год служить легче, чем первый. Зимой ещё так себе служили, более-менее, а сейчас вообще после проверки распоясались – сплошные нарушения. В отпуск как-то и не тянет – домой приедешь, растравишь сам себя бабами, после и уезжать неохота будет. Да и не надеюсь особо – недавно тут по пьянке влипли, но всё обошлось благополучно, хотя отпуска теперь, скорее всего, не видать. Может, и к лучшему – отвык уже и от дома, и от гражданки. Вот по девишкам... от них навряд ли отвыкнешь. А водки немецкой как хватанёшь – чудная вещь, сразу жизнь веселее становится. Теперь начну потихоньку к дембелю готовиться. Сегодня купил в магазине резинок жвательных сто штук на десять марок. А недавно купил себе рубашку нейлоновую – как золотая, так и переливается!

Не знаю, как там дальше планы будут, но домой после армии не собираюсь. Друг вот уволился в мае, он из Ленинграда, так в Ленинград приглашает. Да и Наташка там... Ты об этом, впрочем, Гальке не говори.

Паша, ты просишь переводок – постараюсь выслать. Только не знаю, как это у меня получится – нам категорически запретили высылать. В это письмо попробую одну вложить. Если дойдёт, тогда вышлю больше. Деньги совет-

ские не помешали бы, конечно, на поддавон, только дойдут ли они в письме... Тот раз ты высылал – дошли.

А как ты поживаешь? Как Валерка? Не женился? Да и вообще... Как гражданская жизнь проходит? Как погода, как девушки? Пиши, короче, про все новости, все приключения. Как там в техникуме? Вышла ли замуж моя классная, Никаноровна? Хорошая баба. Передай ей привет от меня. Она нас с Валериком не забыла ещё, наверное, – таких разгильдяев. Какие новости в самом городе? Как там моя Галька – гуляет или нет? Привет ей передай.

Ну что, Паша, на этом буду кончать.

До свидания. Жду ответа.

Саня

Добрый день, а может, вечер!

Здравствуй, Павел! С горячим армейским приветом к тебе – Саня.

Письмо я твоё получил, за которое большое спасибо, но с ответом немного задержался. То времени нету написать, а бывает такое, что и лень нападает. Служба моя идёт по-прежнему – с каждым днём всё ближе к дембелю. Последнее лето – следующее – уже буду балдеть на гражданке! Мы были на учениях, недавно только вернулись. Вот где гастроли давали на танках! Погода стоит очень жаркая, дожди уже и не помню когда были. На учениях пылица такая – машина впереди идёт, ничего не видно. Моя машина

в одну долбанулась впереди – весь буфер помяла. Конечно, как полагается, по ушам от комбата получил, что лихачим. Вот теперь ещё одни учения остались зимой – дембельские. Дембельский снаряд стрелять буду... На этих учениях тоже была боевая стрельба, я два снаряда стрелял по мишени – цель поражена на отлично! Вот так действуем.

Паша, а как ты там поживаешь? Резвишься? Раньше, бывало, тебя в техникум на вечер не затащишь. Давай не упускай момента, а то служить возьмут, здесь не погуляешь, да у тебя ещё и замыслы остаться на сверхсрочную... Обожди, пойдёшь в армию, узнаешь, что такое военная служба. У меня до армии тоже такие мысли были, ну а теперь – побыстрее бы дослужить свой срок да вырваться отсюда. Так что не спеши, не думай наперёд.

Время идёт быстро, вообще не заметно, как дни летят. Ты пишешь насчёт денег – деньги если сможешь, то высылай. Только высылай в открытке, в двойной, клади вовнутрь, заклеивай в конверт – так не прощупать. Если нужны переводки, пиши – пришло.

Какие там новости в Себеже? Видишь ли Гальку? Что-то писем давно от неё нету. Если увидишь, передай ей огромный привет. За то, что не пишет, скажи, что скоро Саня придет, уши надерёт. Паша, ты давай сам не теряйся, а то это последнее лето у тебя такое. Следующее лето будешь уже в армии пахать.

Как там Валерик, твой брат, поживает? Я ему письмо

давно уже написал, а от него так и нет ответа. Ты говорил, будто жениться собирается. Пусть меня ждёт – тогда уже вместе...

Ну, вроде всё написал, пора закругляться. Пиши ты обо всём побольше и почаще.

Де свидания. Жду ответа.

Саня

*** * ***

Пень, на котором сидел Пал Палыч, остался от клёна, что шёл вторым стволом от корня. Другой ствол пила не тронула, и к нему можно было удобно привалиться спиной, протянуть ноги и расслабить тело. Пал Палыч привалился, расслабился и, сморённый жарким днём, мелькающей листвяной тенью и страстным воркованием вяхиря, задремал. Во сне ему привиделась подружка из прошлого, с которой он познакомился в стройотряде на турнепсе, после чего пережил с ней целый роман по переписке. Девушку звали Вера, она была такой, какой он её запомнил – восемнадцатилетней, и Пал Палыч рядом с ней был таким же молодым. В этом волшебство сна – можно снова стать тем, кем уже не будешь.

Однако место свидания почему-то оказалось из нынешних времён: Новоржев, площадь возле автовокзала, где пару лет назад в качестве достопримечательности поставили на небольшом постаменте метеорит, найденный неподалёку

от деревни Касьяново (дата падения неизвестна). Метеорит был размером с сидящего медведя, походил на ком спёкшейся гравийно-битумной смеси и в глухую ночь испускал бледно-голубое сияние. Во сне был день, и Вера в белоснежном платье стояла возле этого чёрного дара небес, как ангел у головешки.

– Вот и встретились, – сказала она, и Пал Палыча обдало свежестью.

Вера протянула руку и коснулась его. Прикосновение было мимолётным, но Пал Палыч замер от счастливого испуга, словно она знала место, к которому нужно притронуться, чтобы он перестал дышать.

* * *

Добрый день, а может, вечер!

Здравствуй, друг Паши!

Письмо я твоё получил, за которое большое спасибо, и сразу же даю ответ. Паши, ты пишешь, что давно не получал от меня писем, а я совсем недавно отправил тебе очередное. А то, что перед дембелем письма писать неохота, – это верно. Обрыдло уже за полтора с лишним года. Девчонкам сейчас вообще никому не пишу: старые надоели, а с новыми не знаком. Гальке уже давно не пишу, и ей сказал, чтобы не писала мне. О том, что у неё есть парень, я знаю. Пусть гуляет, жалко, что ли? Таких Галек, как она, ох на

гражданке как много...

Служба моя идёт по-прежнему. В том письме я тебе писал, что собираюсь в отпуск, а вчера узнавал – говорят, что до Нового года партий не будет, только на Новый год. Так что, может, на Новый год домой вырвусь. Впрочем, сейчас уже мне и смысла домой ехать нету – служить осталось полгода.

Погода стоит хорошая. Не знаю, может, будут какие изменения, но говорят, что девятого числа выезжаем на Варшавские учения в Польшу. Вот где будет здорово – в Польше побываем! Большие месяца идут учения...

Паша, ты просил, чтобы выслал переводок, – обожди, в этом письме не пришла, а в следующем – обязательно. А то с этой полочки ещё одну рубашку купил немецкую: что надо рубашка – по делу.

Помнишь Наташку, которая ко мне приезжала из Ленинграда? Так вот она вышла замуж. Ребята мне написали. Она письма слала-слала, потом я с ней серьёзно поссорился и сказал, чтобы она мне больше не писала... Вот с ней у нас любовь была три с половиной года. Есть что вспомнить. Перед самой армией она сама мне предлагала пожениться, но я решил погодить. Теперь вот вспомнишь иногда, как с ней дружил – такой девчонки мне больше не найти. Честно тебе говорю, как другу, – рву душу на портянки.

А ты не знаешь, где Галька сейчас находится? Все бабы позабыли. От Вальки Воробьёва тоже давно не было пи-

сем, – видно, укатала Сивку флотская служба. Паши, ну а мы давай не будем теряться.

Недавно ездили на учения с боевой стрельбой. С батареей стрелял один я – со своей машины семь снарядов. Отстрелялся на отлично.

Да, здесь вот ещё что случилось. Были в карауле, я – начальник караула, и у меня на посту застрелился часовой. Как сон дурной... Ночью сижу в караульном помещении, слышу – выстрел. Я бегом на пост. Прибежал, смотрю – часовой мой лежит. Короче, в письме обо всём не напишешь, да и расписывать особо нельзя. Пять пуль в область сердца засадил – у меня на руках и скончался. Вот где жутко-то было... Из-за этого мне сняли отпуск, а комбату звание задержали на полгода. Сейчас ведут следствие, меня всё таскали... Ну потом, как ни в чём не виноватого, оставили. Вот таковы, Паши, у меня дела. Тут насмотришься, как на улице немки с немцами жмутся и целуются, так и привидится, что твоя девчонка на гражданке так же... Много вредных мыслей в голову приходит.

Скоро и тебе предстоит в армию – два года отдай и не мычи! А если в морфлот, как Вальку, то три года – совсем тоска.

Не знаю, как там выйдет у меня, но пока собираюсь после армии поступить в Рижскую мореходную школу заграничаваний. Срок обучения – один год. Мне оттуда уже справку прислали, какие нужны документы.

А как там Валерик? Жениться собирается или спился в корень? Передавай ему привет.

Ну, у меня пока всё. Пиши ты – как жизнь молодая, какие новости назревают. Пиши обо всём.

До свидания. Жду твоего письма.

Саня

Салют из Германии!

Здравствуй, друг Паша! С горячим армейским приветом к тебе – Саня.

Письмо я твоё получил, за которое большое спасибо, и сразу же даю ответ. В отпуск теперь уже не поеду, на Новый год не отпустят – на праздники командир дивизии запретил отпуска, а после Нового года уже смысла нету ехать в такую даль, только мать расстраивать. Служить теперь осталось уже совсем ерунда. Новый год придётся и этот здесь отмечать...

Восемнадцатого декабря ходили к немцам на дружбу – короче, на вечер в школу. Учатся там 9-, 10-, 11-, 12-е классы. 11-е и 12-е классы – подготовительные курсы в институт. Вот где, Паша, погуляли-то! Я первый раз за свою службу так гулял этот вечер – мне на всю жизнь отпечатается в памяти! Было там сухое вино у них, лимонад, сок, ну и закуски, естественно. Да мы с собой по маленькой прихватили, за углом выпили – получилось в самый раз. А танцы такие у них... Натанцевались вдоволь, на следующий

день даже ноги болели. Я с самого начала пригласил одну комрадку и до конца с ней танцевал. Жмётся – только так! Зовут Астра, девятнадцать лет. Учится в 12-м классе, по-русски говорит, но плохо. Ох побалдел с ней! Да, Паша, посмотрел бы ты, какое у немцев непотребство творится на танцах – не то что у нас. Танцуют и целуются – короче, завал полнейший. Гуляли мы там с семи вечера до часу ночи, пришли к себе в часть уже в два часа. Жаль, что офицеры с нами ходили...

А вчера по телевизору смотрели фильм по программе ФРГ – тоже сплошной секс.

Пишешь, что готовишься к сдаче экзаменов. Вот мы с Валериком чётко готовились – весь стол в бутылках. Если увидишь Валерика, передай ему привет, раз уж он сам письма написать не может.

Высылаю тебе одну переводку.

На этом вроде всё. Пиши ты побольше о себе, как провёл Новый год, все новости. Передавай привет всем друзьям и знакомым.

До свидания. Жду ответа.

Саня

Салют из Германии!

Здравствуй, друг Паша!

Письмо я твоё получил, за которое большое спасибо, и сразу же даю ответ. Служба моя идёт потихоньку к кон-

цу, осталось каких-то сто дней – совсем ерунда. Погода у нас стоит неплохая. Этот год, правда, зима холоднее, чем прошлая была. Тогда вообще почти снега не было, а в этом году выпал снег.

Недавно ездили к немецким солдатам на встречу дружбы. Наша батарея была как раз в наряде, а я в наряды теперь не хожу. Я своё отходил уже. С нашей батареей один я был. Утром как уехали в восемь часов, так и приехали в двенадцать ночи. Я свои значки все до единого променял на немецкие, – знаешь, немецкие значки ценятся здесь, особенно на дембель. Вот я себе и достал. Обедали и ужинали там с вином – вот где служба! Не то что в Советской Армии. Я на ужине так набрался – на следующий день голова трещала! Словом, есть о чём вспомнить.

Вчера тоже выходной был. Получили получку как раз и сто дней до дембеля отметили. Правда, я чуть не попался с бутылками замполиту – чудом пронесло. Вот такие, Паша, у меня дела. Недавно было письмо от Юльки Гнутовой – она уже замужем, приглашает в гости, пишет, что Зоя Иванова сына родила. От Гальки сегодня письмо было... Молодцы, девчонки, не забывают! Это у Валерика, твоего братишки, быстро память отшибло на своих друзей.

Паша, а ты вовсю готовишься, наверное, уже к сдаче экзаменов? Как же ты с девчонками-то начал баловать? Эти собьют с пути – с ними тихо не будет.

Какие новости в Себеже?

До свидания. Жду ответа.

Саня

* * *

Немецкими значками и купленными в Германии рубашками похвастать Сане толком не пришлось. Демобилизовавшись, он, не заезжая домой, отправился в Ригу – сдавать документы в Мореходную школу. Сдал, погостил несколько дней у сослуживца и на автобусе двинул в Псков. В пути шофёр заснул за рулём, и автобус на всех парах вылетел в кювет. Погибли двое – водитель и Саня, у остальных пассажиров – сотрясения, переломы, ушибы.

Присланная Саней из учебки фотография – на ней он в фуражке и гимнастёрке с белым подворотничком – оказалась его последним снимком. Теперь она, отпечатанная на эмали, подвыцветшая за неполные полвека, висела, прикрученная проволокой, на бетонном кресте.

«Неизвестно, где найдёт нас смерть», – стряхнув сон, рассудил Пал Палыч. И, миг подумав, сам себе возразил: «Отчего же? Известно: домоседа застанет дома, странника нагонит в пути».

Вяхирь гулко ворковал в широкой кроне липы – раскати-сто гукал, эхал и ухал на низах, потом выжидал и снова ухал. Пару раз вылетал, громко хлопая крыльями, делал круг над липой и ловко уходил обратно в крону. Этот бесцеремонный

базар сейчас, в покое кладбища, казался Пал Палычу низостью – преступлением против его чувствительных ушей, так долго и так счастливо пользовавшихся правом на тишину.

– Что расшумелся? – Пал Палыч поднялся с пня и отряхнул на заду штаны. – Слышу тебя, слышу... Ишь, взворковал. Ну, здравствуй, Саня. Жизнь бьёт ключом – да? Всё путём, Саня, порхай, стриги небыса. Верной тябе голубки.

Свистнув собаку, Пал Палыч вдоль стены храма вышел на дорогу.

Сразу за оградой, на белёсой колее, извивался маленький чёрный уж, уже облепленный муравьями, хотя вдали ещё пылила машина с багажником на крыше, которая его переехала.

4. Собака кусает дождь

Палимый солнцем, скромно украшенный бледными августовскими цветами луг незаметно перешёл в кочковатую навкающую болотину (здесь говорили «болотá»), поросшую дюжей – по грудь, а то и в рост человека – осокой и каким-то мелколистным, пучками торчащим быльём с тонкими сочными стеблями. Над осокой, кое-где уже опушённой первыми перелётными паутинками, изредка поднимались густые шапки лозы. Берег протоки, змеящейся, выделявавшей колена, тут и там тёмной зеленью помечали заросли камыша (здесь говорили «тростá»), подсказывая направление очередного извива. Позади осталась получасовая дорога по одичавшему, уже практически непроезжему просёлку через сырое низинное чернолесье, заброшенную деревню Струга и девственные некошеные луга. Теперь наконец дошли – Селецкая протока была целью, ради которой пустились в путь.

– Пётр Ляксеич, пригнитесь, – тихо сказал Пал Палыч, сам уже пригнувшийся и державший ружьё на изготовку (здесь якали, вместо «что» говорили «кого», подрезали глагольные окончания и чудили с падежными: «по голове дярётся», «кого говоришь?», «пошёл к сястры», «Мурка приде и тябе поцарапае», а слово «студень» и вовсе было тут женского рода, однако Пал Палыч учился в техникуме на ветеринара и прошёл армейскую службу, поэтому чистоту местного

говора во всей полноте не сберёг).

Пал Палыч вытягивал над осокой шею, осторожно ступая по тугим кочкам и пытаясь разглядеть, нет ли на показавшейся за камышом заводи, отороченной листьями кувшинок, уток. Утки были. Они заметили не успевшего пригнуться Петра Алексеевича и, забив крылами, с криком поднялись в воздух. Сначала две, и тут же из водяной прибрежной гущины – третья. Пал Палыч медлил, давая возможность гостю выстрелить первым, верхняя губа его слегка подрагивала, как у кота, смотрящего через оконное стекло на воробьёв.

От неожиданности Пётр Алексеевич замешкался, не собравшись толком, выстрелил внаброс раз и другой. Мимо. Пал Палыч стрелять не стал – поздно, даже тройкой крикву было уже не достать.

– Выщеливаете плохо, – определил он причину неудачи. – Вядёте как надо, с упряжждением, а пядед выстрелом ствол у вас встаёт. А ня надо так. Утка – ня ваш брат, ждать ня будет. Захоти даже, ей под мушку на месте ня растопыриться.

– Знаю, – вздохнул Пётр Алексеевич. – В теории всё знаю. Практики маловато.

– А ня бяда. Я сперва, как ружьё в руки взял, палил, точно дитё, – и в ворону, и в сороку, и в соколá. Руку набивал. Тяперь и ня думаю, как целить, глаз сам знает.

Промаху Пётр Алексеевич совсем не огорчился – он ходил на охоту не за добычей, а за впечатлениями. К тому же бить уток с подхода и на взлёте без собаки ему ещё не дово-

дилось. Без собаки – как? Кто из воды подаст, кто отыщет подранка? Одно дело – с лодки, тихо подгребая вдоль берега и спугивая уток из травы или с потаённых в камышах загубин. Либо осенью, когда утки уже собрались в стаи, в зорьку на озере, разбросав по воде чучела (здесь говорили «болваный»), загнав лодку в камыши и там крякая, караулить птицу на пролёте. С лодки и добычу на воде подберёшь, а тут как же?.. Об этом он утром спросил Пал Палыча. «А ничего, – ответил тот. – Жопу замочим, а достанем».

У приметного куста лозы договорились разойтись: Пал Палыч пойдёт вдоль протоки направо, Пётр Алексеевич – налево. Прогуляются каждый в свою сторону на пару километров, потом к этому кусту вернуться. Подтянув закреплённые на поясном ремне ляжки болотников, Пётр Алексеевич отправился в отведённые ему уголья. Идти по болоту было трудно – подсекала шаг кустистая осока, приходилось работать всем корпусом и, точно цапля, задирать ноги, стараясь не споткнуться о кочки и вместе с тем не дать сапогу увязнуть в разверзающейся между ними чёрной грязи. Ружьё мешало балансировать руками, ножны «ерша», подвешенные за петлю на ремень, бились о ляжку и норовили залезть в голенище болотного сапога. Впрочем, это было уже не голенище, это было *ляжище*. У самого берега осоку местами сменяла какая-то зелёно-бурая мясистая трава, напоминавшая небольшие пучки агавы, и почва под ногами начинала колебаться – болотная топь обращалась в трясину, готовую в лю-

бой момент провалиться под сапогом. Эта ходуном ходящая зыбь либо просто обрывалась в воду, либо переходила в островки торчащего из протоки гладкого камыша.

Будучи не промысловиком, а ловцом впечатлений, выбиравшимся из города на охоту три-четыре раза в году, Пётр Алексеевич заводить собаку не спешил – всё смотрел да примеривался. Пал Палыч же, местный Нимврод, на утку ходил только с гостями (дело знал и шёл за добычей весело, но считал утиную охоту едва ли не баловством, да и жена его, Нина, не любила возиться с неощипанной птицей), а лаек держал для другого дела – на зайца, кабана, косулю, лося. Раньше у него были в заводе и норные собаки, но после того, как две из них погибли, когда он, не расслышав подземный лай, вовремя не успел отрыть их из барсучьего хода, Пал Палыч норную охоту оставил. Полагал – до поры.

Двух лаек (местных мешанцев⁷), кобеля и суку, Пал Палыч взял щенками и натаскивал на зверя сам, третью по кличке Гарун ему привёз из Петербурга знакомый зоологический профессор. Родители Гаруна были медалистами, да и самого его отметили висюлькой за экстерьер, но попал щенок в случайные руки и до двух лет жил на положении комнатной собачонки в городской квартире у хозяев, не имевших представления об охоте и полевой выучке. Когда они поняли, что не правы, решили отдать питомца тому, кто сможет

⁷ *Мешанец* – животное, растение, произошедшее от скрещивания двух разных пород, сортов.

составить его охотничье счастье. Да и не городская порода – лайка. Зоологический профессор о том узнал, пса забрал и привёз давно подумывавшему о породистой собаке Пал Палычу – по-приятельски, в дар. И вот уже четыре месяца Пал Палыч пытался поставить Гаруна на охоту – по собственному выражению, «разбудить в нём рóду».

С профессором Пал Палыча познакомил Пётр Алексеевич, приехав как-то с ним и его спаниелем в эти места погонять серых куропаток, поэтому теперь он чувствовал себя обязанным о судьбе Гаруна справляться. На селе охотник бестолковую собаку задарма кормить не будет – выведет в лес и шлёпнет, дело обычное. Гаруну, чёрному с белой грудью красавцу, такой судьбы Пётр Алексеевич не желал, хотя суровость местных нравов не судил. А опасаться было чего: до двух лет пёс практически не знал, что такое поле и что такое лес, как ходить по ним с хозяином, как брать след, зачем дано ему верхнее чутьё и что это за дело – гнать и облаивать зверя.

Зато Гарун кусал дождь. Трусящая с небес морось его не волновала. А вот ливень дразнил не на шутку – он с клацаньем хватал ускользящую добычу, не понимал, как удалось ей увернуться от его зубов, лаял на белые струи и не мог успокоиться.

Срезая по болоту излучины, то отходя, то приближаясь к берегу петляющей протоки, Пётр Алексеевич перебирался от плёса к плёсу и из-за кустов лозы и камыша осторожно

высматривал на открытой, почти неподвижной воде уток. В ближайшем рукаве с чистой заводью никого не было. Утирая с лица пот, отправился дальше, но до следующего плёса дойти не успел: видимо услышав Петра Алексеевича издали, четыре утки слетели на таком расстоянии, что стрелять было бесполезно. Пётр Алексеевич пригнулся и скрылся в траве, следя за утками – не сядут ли на воду где-нибудь поблизости. Но нет, описав дугу, утки ушли вдаль, на озеро. В той стороне, куда отправился Пал Палыч, ударил дублет. Пётр Алексеевич обернулся и снова присел в густую осоку, – поднятые выстрелами, на его край летели две утки. Он затаился, припав к ружью, – утки в дюжине метров над землёй, одна впереди, вторая чуть в стороне и сзади, шли прямо на него. Внутри расходящимся жаром вспыхнула кровь – ловчий азарт ударил в сердце.

Пётр Алексеевич один за другим спустил курки, когда цель была едва ли не над головой. Дважды гроыхнуло. Тугая волна покатила по лугу к лесу и отразилась от стены деревьев глухим отзвуком. Сбил только одну – первым выстрелом. Вторая, вильнув, ушла. Утка упала практически в руки, шагах в четырёх. Быстро перезарядив ружьё, Пётр Алексеевич подскочил к замеченному месту – знал, если сразу не углядишь, куда ухнула птица, потом можно искать в заросшем кочкарнике до вечера. Добивать не пришлось – дробь попала в шею и голову, о чём свидетельствовал выбитый кровавый глаз и кровь на зубу. Это был крупный упитанный се-

лезень, он ещё не перелинял – зелёное переливчатое перо на шее едва показалось, но уже лоснилось атласным блеском. Добрый селезень, про такого Пал Палыч сказал бы: «Он лятит, а с него жир капает». Хотя обычно так он говорил про северных гусей, на пролёт которых звал гостей в октябре.

Приторочив добычу за шею к патронташу петлёй кожаного шнура, повеселевший Пётр Алексеевич двинулся по болоту дальше. А тут и солнце ушло за облако, перестав наконец безбожно припекать и взблескивать на воде, слепя высматривающий птицу глаз.

Часа через полтора, ругая себя за то, что оставил в машине бутылку с водой, Пётр Алексеевич, дважды уже провалившись одной ногой в чавкающую жижу по бедро, возвращался к кусту лозы, возле которого они с Пал Палычем разошлись в разные стороны. Он устал и уже не следил (не было сил) за тем, чтобы одолевать топь без лишнего шума. На его патронташе по-прежнему висела только одна утка. Трижды ему подворачивался верный случай: два раза он промазал – выбил пару перьев из хвоста, и только, – а третий... Третьим был чирок, в которого он, подкравшись за камышами к плёсу, всадил заряд, но подранок ушёл в крепь на другом берегу протоки – без собаки его было никак не взять, даже если решишь *замочить жопу*. Пётр Алексеевич не стал и пробовать.

Солнце, то сияя на небе, то скрываясь за облака, прошло

уже изрядный путь и перевалило зенит. Лёгкий ветер, накатывавший тёплыми волнами, колыхал осоку и ветви лозы. Лес за лугом, из которого пришли охотники, подёрнулся прозрачной сизоватой дымкой. Небо выглядело ярче блёклого луга, прибрежная маслянистая зелень и пляшущие на глади заводи блики тоже выигрывали у него в цвете. Слепней на болоте отчего-то не было; время от времени, когда набегала облачная тень, на разгорячённого Петра Алексеевича налетал комар, но в целом, благодаря ясному дню, кровососы не свирепствовали. Вокруг стояла белёсая полуденная тишина с приглушённым, то спадающим, то нарастающим шорохом ветра в тальнике и паутинным шелестом трав в качестве рабочего фона. Такой эфирный прибор.

Пал Палыча у пограничного куста Пётр Алексеевич не нашёл. Не видно его было и на берегу протоки, насколько охватывал болотину глаз. Наверно, тот вошёл в азарт и забрёл дальше оговорённой пары километров.

Невдалеке над осокой парила кругами какая-то хищная птица, судя по вырезу хвоста – коршун. Пётр Алексеевич, вспомнив признание Пал Палыча о том, как тот по молодости, набивая руку, баловался с ружьём, даже прицелился в «соколá», раздумывая, какое заложить упреждение, но стрелять не стал. Пусть себе кружит. Чувствуя усталость в теле, он прошёл с прибрежной топи к лугу и на сухом месте сел в траву. А потом и лёг на бок, с наслаждением вытянув ноги. На цветущем дедовнике хлопотал бойкий полупрозрач-

ный паучок. Рядом на листе тёмной травы, напоминающей мяту, но определённо бывшей не мятой, сидел зелёный шарообразный жучок-листоед. Он металлически поблёскивал на солнце, а когда лист покачивался на ветру, зелень его отливала алым.

Услышав издали ритмичный шорох – так коса сечёт траву, – Пётр Алексеевич понял, что Пал Палыч уже неподалёку. Встав на ноги, он посмотрел на уходящий вправо осочник. Пал Палыч, высоко поднимая колени, бороздил болотину – над осокой качались лишь его плечи, голова и крепко зажатое в руках ружьё. Пётр Алексеевич двинулся ему навстречу.

– Двух ня нашёл. В траву ушли, как иголка в стог, – без особой досады сообщил Пал Палыч. На поясе его болтались пять уток – три кряквы и два чирка. – В прошлом году крохалей много было, а нынче нет совсем. В чём дело – ня пойму.

– И у меня два подранка ушли, – скромно приврал Пётр Алексеевич.

Он испытал мимолётное чувство стыда за свою недобычливость, но трофеи Пал Палыча рассматривал без зависти: тот небось с ружьём родился, его удача не от случая, а от охотничьей сноровки – мастерству не завидуют, о нём мечтают. Лицо Пал Палыча покраснелось, выбившиеся из-под кепки волосы налипли на потный лоб, но выглядел он бодро и, казалось, ничуть не был утомлён болотным мытарством.

Закинув ружья за спины, пошли обратно – через луг, к лесу. Пётр Алексеевич ступал впереди, всем видом стараясь скрыть усталость, но ноги в болотниках налились тяжестью и предательски цепляли неровности пути.

– Что-то вы, Пётр Ляксеич, заморивши, – сказал сзади Пал Палыч. – А ня спешите. Идите, будто гуляете.

– Всё в порядке, – заверил Пётр Алексеевич. – С непривычки уходился.

– Большое дело – привычка, – согласился Пал Палыч. – По мне, так в лесу день проплутать – ня труд. Я по молодости спортом болел – бегал всё. Со школы ещё. Да и после... За район выступал. Каждый вечер после работы – приду домой, пяреоденусь, шасть на улицу и бягу. Да ня просто, ня пустой, а ещё камней в мяшок наложу – за плечи его и бягу с им как с горбом. Много годов так. А когда жанился, Нина и говорит: зачем ты такой мне – всё из дома, как дурачок, бегаешь, кончай блажить уже. Ну, я маленько подумал и перястал. Мядалей мне за страну ня брать – что, думаю, бегаю впустую, на охоту надо пяреходить. Дома-то всё равно ня сидится, приучил организм – в повадку ему вошло. Вот так с ружьём всё и лазаю. И жана ничего: вроде как при деле – промысел, значит.

– Да вы по этой части – первый номер, – искренне польстил Пал Палычу Пётр Алексеевич.

– Ня скажите, Пётр Ляксеич, есть и посноровистей. В прошлом году вон из Москвы двое приехали – сосед мой их по

мочилам водил. Ружья вот так носят – стволы на плече, и что ня выстрел – то утка. Сосед говорит, ня разу промаху ня дали. За три дня бочку вот такую набили, – Пал Палыч показал руками обхват, а потом и высоту емкости – бочка вышла вместительная, литров на двести, – закоптили и уехали. Мастера по стендовой стрельбе. Я-то ня так, я сябе положил, чтоб в исходе с трёх патронов – утка. Такой счёт и дяржу пока. Да и ня надо мне бочками-то. У меня корова с тьялёнком, кроли, огород, поросята. Мы в природе живём – лишнего у ней ня возьмём, но и на каждого бобра лицензию выправлять – это извините. Я тут сызмальства и уж наверно знаю, что у зямли, у природы то есть, можно взять, а что няльзя.

– Не так просто тут, знаете ли, не в линейку. Вы вот пуповину свою природную не порвали и чувствуете землю как мать. А мало, что ли, у вас по соседству таких, на земле живущих, которые браконьерят как черти? Хоть трава после них не расти? – Усталость как-то понемногу рассосалась, и теперь Пётр Алексеевич с удовлетворением сознавал, что ресурс не вышел, и он, пожалуй, выдержал бы ещё одну болотную пробежку. Вот только разговор шёл не туда, но слово сорвалось и потащило за собой под уклон другие.

– Правда ваша, – вежливо согласился Пал Палыч. – Только в том бяда, что законы пишу ня я, как вы сказали, с пуповиной, а те клящи, для кого зямля давно уже ня мать родна, а корова дойная. Завистливые и жадные. А и у тех разумения нет. Они меня учат, а сами ня знают ни как корову за вымя

подержать, ни как ей кóрма задать.

Пётр Алексеевич поморщился. Ему претила вульгарная политика, в которой соотечественники находили выход своему общественному темпераменту. Все комбинации этой бесконечной русской темы были ему известны и дурной своей неисчерпаемостью давно набили оскомину. Ну никак не мог русский человек смириться с тем, что, как и прочие народы, живёт в аду – у иных он, может, только почище, а у иных и погрязней, – всё печалился о справедливости, искал её, звал, а откликались всякий раз бесы ангельскими голосами и опять заводили в тартарары. Да и речи о справедливости в большинстве случаев так или иначе сводились к деньгам, а это и вовсе уже чепуха – либо деньги, либо небо на земле. Что ни говори, а марксизм – сила.

– И то верно. – Пётр Алексеевич продемонстрировал ответную вежливость. – За это им, клещам, в пекле век сковородку лизать. Ну а Гарун как? Толк из него будет?

– А будет – как ня быть?

Они шли через брошенную деревню, уже задавленную молодым осинником и не знающей удержу крапивой. Крыши домов, однако же, были целы, и в окнах блестели стёкла, так что при нужде какая-нибудь пустующая изба вполне могла сгодиться для ночёвки – Пал Палыч говорил, что иной раз охотники этим пользовались и даже топили печи в холода. У покосившегося крыльца одного из домов, заросшего крапивой в человеческий рост, Пётр Алексеевич на миг задер-

жался, оглядев примеченный ещё по пути на протоку лопух. Один лист у лопуха вывернулся, и на его открытую солнцу белёсую бархатистую изнанку вылезли погреться две маленькие бурые ящери. Так они и сидели с тех пор, кажется, даже не утрудившись переменить изломанной позы.

– Я его в лес бяру. Иной раз ночью даже. Дурной ещё, конечно. В поле бягёт впереди меня, а в лесу нет – боится. И на кабана ня лает – страшно ему. Причует в кустах кабана и встаёт. Молчит и няйдёт, сзади жмётся. Или вот в поле с собаками собярусь – мои спокойно бегают, привычно, а этот, Гарун-то, носится, будто с цапи сорвавши. Такая у него городская мода – там на прогулку-то выводят на полчаса, так надо успеть скорей во весь пых убежаться. А мои ня бесятся, им лес да поле ня в диковинку. Пяерерос он, конечно, Гарун-то, но нынче у него только первое поле идёт – начало натаски. Это уж по третьему полю вконец видно, на что собака годна, а на что нет.

Пал Палыч слегка придержал Петра Алексеевича за плечо. Неподалёку тут располагался старый заросший пруд, который они уже проверяли утром на пути к протоке. Но пройти мимо и не посмотреть, что творится на пруду сейчас, было бы не в охотничьих правилах. Скинув с плеча ружья и сойдя с едва заметной тропинки в высокую траву, цепляющуюся за одежду сухими семенами, молча забрали влево. Пруд окружали дубы и старые вётлы, посаженные здешними мужиками лет двести назад и пережившие и мужиков, и деревню;

сам пруд зарос камышом и кувшинками, но в середине ещё оставалось блюдце чистой воды. Пусто. Пал Палыч крикнул привычно: «Хай!» Из прибрежной травы никто не взлетел. Уток тут не было.

Вернувшись на тропинку, бодро зашагали в сторону сырого леса, и вскоре влажное царство ольхи, осины и берёзы накрыло их комариной тенью.

– А ещё у меня пасека в Залогe, – сказал Пал Палыч, возвращаясь мыслью к хозяйству. – Опять же надо за пчалами глядеть. Мать у меня там, в Залогe, но она старенькая уже да и с пчалами ня дружит. Ничего, мы в природе живём, бярём у ней в меру, что нужно, а она в свой чарёд за нами доглядывает. Без нашего спроса, по старому уговору вроде. Я матери говорю: «ты с пчалами ня возись и рои ня лови, а чуть что – мне звони, я мигом примчусь». А тут в мае приезжаю раз, а она на меня дуется и разговаривать ня хочет. Рой с яблони, оказывается, хотела в лукно стряхнуть, а он на неё и упале – всю покусали. А через три дня опять приезжаю – она меня встречает и смотрит так озорно, как молодая. Думаю, пенсию, что ли, получила? А она руки вверх тянет: во, говорит, выдал! Я и ня понял сперва, а она два года руку правую вот так, – Пал Палыч показал как, – выше груди поднять ня могла – ревматизм. А пчёлы-то весь ревматизм из ней, значит, и вытянули.

Дорога из чернолесья выскользнула в поле, на суходол, и вскоре за непроезжей лужей показалась оставленная охотни-

ками на склоне холма машина. Подошли. Пётр Алексеевич нажал кнопку на пульте, и машина, узнав хозяина, радостно взвизгнула. Первым делом он достал из подставки между передними сиденьями бутылку воды, открыл и протянул Пал Палычу. Тот осторожно, стараясь не касаться горлышка губами, отпил. Пётр Алексеевич принял бутылку назад и, не почувствовав вкуса первого глотка, блаженно приник к ней горячим иссушенным ртом. Побросали уток в застеленный полиэтиленом багажник; Пётр Алексеевич переобулся и сел за руль.

– Заедем-ка в Березовец на речку – тут ня далеко, – сказал Пал Палыч, спустив до колен болотники и устроившись спереди на пассажирском сиденье. Он сбросил куртку, взялся руками за пластиковую скобу, предусмотренную над бардачком на случай тряски, и чуть подался вперёд, стараясь не касаться сырой пропотевшей рубашкой тканевой обивки спинки. – Езжайте, я покажу.

Прежде чем добрались до дома Пал Палыча, у которого остановился приехавший на три дня проведать местных уток Пётр Алексеевич (тесть с печником перекладывали в Прусах плиту – там был развал), по желанию хозяина завернули в Березовец. В километре за деревней поставили машину в тень раскидистой ветлы. Пал Палыч принялся лазить по кустам вдоль заросшей по берегу густым лозняком речушки, а Пётр Алексеевич, примостившись на бетонном парапе-

те, воздвигнутом на обочине в том месте, где под дорогой пролегла труба, дававшая подземный проход речке, взялся ощипывать и потрошить совместную добычу. Благо было где вымыть руки.

Через полчаса Пал Палыч принёс ещё двух кряковых селезней.

Потом отправились в Болоково. Деревня стояла на слоистом известняке, лет сто назад здесь добывали строительный камень, о чём свидетельствовали сложенные из желтовато-сизого плитняка старые сараи. Долгие годы ходила деревня за водой на ручей, пути – полверсты; пробить колодец сквозь известняки мужикам было не по силам. Тридцать лет назад, на излёте колхозной жизни, пробурили в Болоково скважину, попали в мощную жилу, так что фонтан ударил метров на десять. Но вода оказалась минерализованной и чувствительно отдавала чем-то вонючим, возможно серой. Возили здешнюю воду на анализ: по составу – чистый нарзан. Или боржом – Пал Палыч точно не знал, что есть что. Или того лучше – баденские воды, эти точно серные. Полезно, конечно, при разных расстройствах, но на боржоме щи не варят. Однако в Болокове понемногу привыкли, ничего – можно. А одна слепая старушка, регулярно умывавшаяся под струёй, по свидетельству местного предания, даже прозрела. Пал Палыч рассказывал, что в перестройку кто-то предприимчивый из пришлых хотел наладить здесь газирование и розлив воды в бутылки, но умирающий колхоз доб-

ро не дал.

Через несколько лет фонтан заделали в трубу с коленом, и вода стала хлестать не вверх, а горизонтально. За прошедшие годы жила ничуть не оскудела – баденские воды затопили луг, превратив его в пахнущее гнилым луком болото, и там, на мочилах, бывало, паслись утки.

Метрах в ста от минеральной скважины Пал Палыч подстрелил на взлёте крякву и, оставив её на попечение Петра Алексеевича, хлюпая сапогами, скрылся в камышах. Недоступная тушка покачивалась на глади заводи. Взяв из машины топор, Пётр Алексеевич вновь натянул болотники, срубил неподалёку берёзку, очистил от ветвей и, подойдя к самому краю вязкого гнилого берега, хлыстом подтянул к себе утку. Здесь, в мочилах, вода отстаивалась, растворённые в ней соли/щёлочи уходили в почву и чёрная, вымешанная сапогами грязь воняла необычайно. Счёт был разгромный – 8:1. Впрочем, тут Пётр Алексеевич даже не доставал с заднего сиденья ружьё – впечатлений на сегодня было уже достаточно.

Вечером, сидя за столом в доме Пал Палыча, щедро потчемый дарами его хозяйства, Пётр Алексеевич прислушивался к себе и ощущал, как ободрились за день его чувства. Ничего особенного вроде бы не произошло, сегодняшняя охота не стала для него добычливой, однако шевеление трав, блеск воды, взлетающая птица, сияние неба, зелёный жук,

бьющаяся изнутри брошенного дома в окно пухлая бабочка, ящери, вековой плитняк сараев, вкус холодной минеральной струи – всё увиденное, услышанное, попробованное за сегодня вспыхивало в его сознании, шевелилось, высвечивалось одно за другим, желая запомниться, не ухнуть безвозвратно в забвение, найти в памяти свой уголок.

На столе были свежие овощи, зелёный лук, домашнее сало, колбаса, солёные огурцы, тушёная телятина с печёными кабачками, душистый хлеб из местной пекарни, густая домашняя сметана, жареные голавли и мёд двух качек – июльской и августовской. Ну и, конечно, водка – о ней уже позаботился Пётр Алексеевич, знавший хлебосольство Пал Палыча и не желавший чувствовать себя полным прихлебателем. Нина хлопотала по хозяйству, между делом приглядывая за малолетним внуком, и за стол с мужчинами не садилась. Дом у Пал Палыча был великий, в два этажа. Первый – кирпичный, второй – из толстого тёсаного бревна. Строился он на большую семью, но выросшие дети уехали от земной жизни в Петербург и теперь лишь ненадолго приезжали к родителям в уездный городок, основанный Екатериной, почти до основания разрушенный в последнюю германскую войну и неинтересно, без любви восстановленный заново в послевоенные годы, – догуливать отпуск, проведённый, как и положено, в Хургаде или Анталии. Ну и, само собой, время от времени подбрасывали на забаву внуков.

Первую рюмку выпили за охотничье счастье – у Пал Па-

лыча с этим делом всё было в порядке, а вот Петру Алексеичу удачу определённо не мешало приманить.

– В Иванькове у меня кабаны прикормлены, – макая в сметану зелёную стрелку лука, признался Пал Палыч. – Там, в лесу, за старым садом колхозным, брошанным, я сляды увидел и кукурузы насыпал полтора ковшика. В том году ещё за хорошую цену два мяшка кукурузы купил. Дед иваньковский, приятель мой, ходил смотреть – вся прикормка подъедена. Звонил утром. Я поехал, ещё насыпал. Если опять съедят, хоть иди туда на ночь. Наверняка, конечно, ня скажешь: придут – ня придут... Там, на осине, у меня пряекладины набиты – ничего, сидеть можно. Пётр Ляксеич, а хотите на кабана? Я фонарь подствольный дам. Только матку ня бить – подсвинка высматривайте.

Пётр Алексеевич решительно отказался.

– Мне барская охота по душе, – признался он, хрустя огурцом. – Та, что по перу, – утиная да по боровой дичи, когда больше ходишь, чем стреляешь. Легавую думаю завести.

Выпили ещё по одной – за целкость ружей. Пётр Алексеевич нахваливал закуски – сметана, сало, телятина, голавли и впрямь были хороши, – снова наливал водку, Пал Палыч останавливал горлышко пальцем над вполовину наполненной рюмкой: «Хватит, хватит...»

– А что, скажите мне, такое значит – жить в природе? – задал Пётр Алексеевич давно щекотавший язык вопрос. – По-вашему ведь это, верно, целая стратегия, особый жизненный

уклад?

– Скажете тоже – стратегия, – водружая на хлеб ломоть сала, улыбнулся Пал Палыч. – Ничего мудрёного. Живи и тем, что тябе природа даёт, пользуйся, но только так, чтоб она ня обяднела, чтоб сохранилась, а то и умножилась. Нужна тябе лесина – бяри, но десять взамен взятой посадки. Это же ня сложно. Или с пчалами тоже – я за ними слежу, чтоб ни моли, ни варроатоза, подкормлю, когда надо, рои словлю, маточники вырежу... А они мне за то мёду, так что – и мне, и всей родне, и на продажу. Или вот охота... Корми зверя, чтоб плодился, матку ня трожь, лишнего ня добывай, а иной год и ня стреляй вовсе, если зверь на убыль пошёл. А то у нас как? Сойдутся охотники в бригаду и бьют зверя подчистую – кабана, козу, лося... С одной лицензией весь сезон. Всё зверьё извядут. А вы, Пётр Ляксеич, говорите – стратегия... Хорошо Бялоруссия и Прибалтика рядом – оттуда зверь к нам снова заходит. Так его опять в будущий год извядут. Бывало на озере, на Алё, с острова на остров лось или коза плывут, так их с лодки ножами режут. Выстрел-то по воде далеко слышать, вот они и ножами... Там зямля откуплена – охотхозяйство частное, егеря строгие. Если светло и тушу тишком ня вывезти, так брюхо лосю вспорют, чтоб ня всплыл, место пометят и ночью заберут. Так вот.

Выпили под эти слова горькую рюмку.

– А что охотовед? – Пётр Алексеевич разбирал на тарелке голавля. – Куда смотрит?

Пал Палыч махнул рукой:

– Охотоведа область ставит. Замгубернатора вопрос решает. Он, охотовед-то, туда, – Пал Палыч оттопырил на крепком кулаке большой палец и указал им в потолок, – мясо возит. Те же бригады ему долю дают... Пока у губернаторских дичина на столе, так, значит, – охотовед справный, посажен правильно, на своё место. А что зверя при таком хозяйстве ня станет – кому интяресно?

Тут уж было никуда не деться и по освящённой веками традиции некоторое время говорили о неустроенности русской жизни. Пал Палыч даже хватил шире, укрупнил масштаб, замахнулся на мироздание, неожиданно представ перед приятно удивлённым Петром Алексеевичем в образе законченного стихийного гностика.

Хмель брал своё – голоса собеседников стали громче, глаза заблестели. Пару раз в кухню заглядывала Нина и с любовью бранила мужа за какую-то чепуху, стараясь не столько для себя, сколько для Петра Алексеевича – ничего не попишешь, тоже традиция. Пётр Алексеевич это понимал и с улыбкой любовался ритуалом.

– Смотрю я на вас, Пал Палыч, и в толк не возьму, – после очередного тоста, поднятого за улизнувшую из кухни хозяйку, сказал Пётр Алексеевич, – откуда в вас эта незамутнённость сознания? Понимание земного порядка? Откуда эта ясность бытия?

– О чём вы, Пётр Ляксеич?

– А вот скажу. Со всяким бывает – иной раз тоска возьмёт за горло, да так крепко, что озарение пронзит, и понимает человек, что в жизни его всё не складно, всё ложь, все устремления его, желания, порывы – всё негоже и порочно. Что чёрен он от грязи мыслей и страстей, что нет в нём светлого места. А надо жить не так. Надо крестом перечеркнуть все скверно прожитые годы и строить заново жизнь на руинах тёмных страстей и поганных привычек. Тяжко это, но оставаться тем же – тяжелее... И рвётся от стыда и гнева на черноту свою сердце. Но вот проходит миг, мутнеет внутренний взор, и зарывается человек снова в свою навозную кучу, в тёплую грязь будней. И ни следа от проблеска не осталось, как его и не было. – Пётр Алексеевич в отчаянии потрянул головой. – А вот у вас не так. Вы среди прочих – ворона белая. Я вижу, как вокруг живут – лица угрюмые, пьют, матерят друг друга, злобствуют, дерутся, завистничают, крадут – родня у родни ворует. Земля давно запущена, никакое дело в руках у людей не держится. На земле жить – тяжкий труд, я это понимаю. Но ведь и радость в нём, в труде этом, если наладить его по уму и делать с хотением. У вас ведь, Пал Палыч, наладить получилось. Вы слова бранного попусту не скажете, делу и рюмке время знаете, дом у вас вон какой, и в доме вашем мир, хозяйство с толком ведёте, опять же ясное понятие о жизни в природе имеете... Вы, так сказать, человек-соль. С вами мир становится вкусным. Откуда это в вас, скажите? Почему другие не переймут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.